

Омское отделение Общероссийской общественной организации
«Российское историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное общество
«МЕМОРИАЛ»

ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ – ПУТЬ К БУДУЩЕМУ

*Сборник статей
школьников, студентов, преподавателей,
посвященных
памяти жертв политических репрессий*

Омск
2014

УДК 63.3(2)615-4

ББК 316.4.063. 7

П16

12+

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Правительства Омской области*

Рецензенты:

*Е. Е. Воложанина, канд. истор. наук, доцент (ОмГПУ);
А. В. Жидченко, канд. истор. наук (ОмГУ им. Ф. М. Достоевского)*

Память о прошлом – путь к будущему : сборник статей школьников, студентов, преподавателей, посвященных памяти жертв политических репрессий / [под. ред. Н. А. Левочкиной]. – Омск : Изд-во ИП Загурский С.Б., 2014. – 100 с., ил.

ISBN 978-5-903118-52-6

В сборнике представлены статьи школьников, студентов, преподавателей – участников областных конкурсов 2011–2013 гг., в которых на основе архивных материалов, устных опросов, газетных публикаций и личных фотографий рассказывается о судьбах репрессированных, членов их семей, тесно связанных с Омским регионом. В работах представлен взгляд современного молодого поколения на историческое прошлое их дедов и прадедов, воспоминания старшего поколения и методические разработки учителей средних общеобразовательных школ. Для широкого круга читателей.

УДК 63.3(2)615-4
ББК 316.4.063.7

Научное издание

ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ – ПУТЬ К БУДУЩЕМУ

*Сборник статей
школьников, студентов, преподавателей,
посвященных
памяти жертв политических репрессий*

Ответственный редактор *Н. А. Левочкина*
Дизайн, верстка: *ИП Загурский С. Б.*

Подписано в печать 16.08.2014. Тираж 200 экз. Заказ № 414. Формат 60×84/16.
Бумага 80 г/м². Печать оперативная. Усл. печ. л 6,25. Уч.-изд.л. 5,25.

Издательство ИП Загурский С.Б. г. Омск, ул. Лермонтова, 8.
Тел. (3812) 31-12-77, 31-35-75. E-mail: 311277@inbox.ru

ISBN 978-5-903118-52-6

© Левочкина Н. А., текст, 2014
© Омское отделение «Мемориал», 2014
© Дизайн-проект. ИП Загурский С.Б., 2014

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. Трагические повороты судьбы репрессированных	
Левочкина Н. А. Память священна: основные направления и итоги общественно-патриотической деятельности	4
Григорьева А. А. Трагедия российских немцев – трагедия моей семьи	7
Шнайдер В. В. Последствия депортации для семьи Шнайдер	15
Шакирзянова Е. Маленькая Эля, моя учительница – «враг народа?»	22
Уляшева И. В. С надеждой на справедливость	24
РАЗДЕЛ 2. По местам памяти моей	
Храпова Н. С. Архивный фонд как источник изучения «труд – ссылки»	27
Зарубина В. М. Омские фантомы Васюганья	29
Алексеев Д. В., Мартюшов Е. И., Петрова Я. В.	
Книга памяти – Кулай	32
Балантаева Ю. Н. «Знать, чтобы помнить»	36
Кашеева Т. Г. Из истории ИТК №8	41
Бодак А., Бодак Е., Сахариленко О. А. Село Изумрудное: мученики режима	48
Самсонова Ж. В. Отголоски репрессий: из истории поселка Новоуральский	52
Кашеева Е. Г. Священное место поминовения – Ачаирский	59
РАЗДЕЛ 3. Историческая ретроспектива в воспоминаниях старшего поколения	
Балачан В. Духовный след: памяти Виктора Васильева	62
Подлубнова Ю. С. Репрессированные писатели в экспозиции музея «Литературная жизнь Урала XX века»	64
Стасевич В. Б. Ода отцу	68
Жулей В. А. Дочь кулака – достойный человек	71
РАЗДЕЛ 4. Воспитание гражданской позиции	
Дроздова Н. Ю., Киселева Н. Н. Памяти жертв политических репрессий посвящается	75
Мадеева Т. Ю. Репрессии. Трагедия Кулая	84
Приложения	90

РАЗДЕЛ 1.

ТРАГИЧЕСКИЕ ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ РЕПРЕССИРОВАННЫХ

ПАМЯТЬ СВЯЩЕННА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ИТОГИ ОБЩЕСТВЕННО- ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Н. А. Левочкина, исполнительный директор
омского отделения «Мемориала», доцент, к. и. н., к. э. н.*

Была жестокая война
Для всей страны моей,
А я все в памяти храню
Воспоминания бабушки моей.

Жила она тогда на Волге:
Там детство, молодость прошли,
Там вышла замуж, но недолго
Счастливыми те были дни.

Год 41-й наступил –
Войны начало объявили.
Тот год все в жизни изменил,
Надежду и любовь убили.

Ей испытать пришлось немало:
Сначала муж в трудармии погиб,
И хоть детей своих от холода спасала,
Но выжил только лишь один.

Ей было 25, и вот судьба
Приносит новые ей в жизни испытанья,
И вновь за право жить идет борьба
В репрессиях, изгнаниях и страданиях.

Не зная языка, одна, с ребенком
Она на землю Омскую пришла.
Стоял апрель, и чудом через Омку
На саночках сынишку привезла.

Их приютила в доме баба Дуня,
что тут же на окраине жила.
Своим теплом, заботой, добротой
Она в те годы бабушку спасла.

Елизавета Майер ее звали,
И Новотроицкое стал ей дом родной.
О новой жизни они все тогда мечтали,
А слезы по щекам текли рекой.

Я помню, как бежали эти слезы,
Когда она рассказывала мне,
В тот миг, казалось, плачут и березы,
И мне хотелось крикнуть: «НЕТ ВОЙНЕ»!

Вот такое пронзительное, обжигающее болью стихотворение прислала на областной конкурс «Память о прошлом – путь к будущему», проводимый омским отделением Общероссийской историко-просветительской, благотворительной общественной организации «Мемориал», учитель из Новотроицкой средней общеобразовательной школы И. В. Гончаренко. Кроме нее, в первом областном конкурсе (Приложение 2) приняли участие работы учащихся средних общеобразовательных школ, профессиональных училищ, колледжей, вузов, а также преподаватели этих образовательных заведений – всего 130 человек. Активное участие в областном конкурсе приняли участники школьники и преподаватели Большереченского, Тарского, Черлакского, Любинского, Омского районов Омской области и города Омска. Особо хочется за организационную помощь поблагодарить как работников образовательных учреждений, так и Министерство образования Омской области в лице его министров: сначала И. Прозоровой, а затем С. Алексева.

Среди работ школьников и студентов особо хочется отметить научно-исследовательскую работу и документальный фильм Евгения Куприна, учащегося 11 класса МКОУ «Богословская СОШ», посвященных изучению истории прошлого через призму взглядов немцев Богословского сельского поселения. Интересны работы по содержанию и у Ольги Ларионовой (МКОУ «Нижнеиртышская СОШ»), Сергея Бортвина (МКОУ «Иртышская СОШ»), Ольги Красиковой (МКОУ «Победительская СОШ»), Веры Боженковой (МКОУ «Атирская СОШ»). Постарались внести свой вклад в изучение локальной истории и студенты области, среди которых стоит отметить работы Ксении Гетман (ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 3 курс), Ксении Мельниковой (Саргатский индустриально-педагогический колледж), Любове Базаевой,

Галины Сидоренко (БОУ НПО ПУ № 18), Юлии Ананьевой (БОУ СПО «Тюкалинский педагогический колледж»). Особо хочется отметить творческие работы самых маленьких исследователей: Сауле Аксакаловой (МКОУ «Любинская СОШ»), Жанны Гефлинг (МКОУ «Пановская СОШ»), Елизаветы Сычевой (МКОУ «Новокурасукская СОШ»), Андрея Оборовского (МКОУ «Большереченская СОШ № 2»), которые в своих эссе отразили и исторические события, и смогли высказать свою гражданскую позицию. Хочется пожелать им и их научным руководителям кропотливой работы и творческих успехов в дальнейших исследованиях.

Особую категорию участников конкурса составили преподаватели различных образовательных учреждений. Они проявили высокий интеллектуальный уровень, представив от творческих произведений (стихи, творческие эссе) до научных работ, основанных на архивных и полевых материалах. Среди особо отличившихся следует отметить учителей Нагорно-Ивановской средней общеобразовательной школы Тарского муниципального района, МКОУ «Большереченская СОШ № 2», «Иртышская СОШ» Омского района, школа с. Крайчиково Колосовского района, школ Любинского и Черлакского районов Омской области, а также Тарского филиала ОмГПУ и колледжа предпринимательства и права (г. Омск).

За последние два года количество участников (Приложения 3, 4) не уменьшилось, интерес по-прежнему к нашему историко-просветительскому областному конкурсу остается, что говорит о ежегодном участии в нем свыше 100 человек. В целом, за последние три года (2011–2013 гг.) более 300 молодых исследователей и их научных руководителей интересовала тема памяти и изучения «белых пятен» отечественной и личной трагической истории семьи (Приложения 6, 7). Появляются все новые участники: от Тевризского, Усть-Ишимского, Колосовского, Саргатского муниципальных районов до конкурсантов из южных районов Омской области и даже других городов России – Нижнего Новгорода.

Омское отделение Общероссийской историко-просветительской, благотворительной общественной организации «Мемориал» (Приложение 8) благодарит всех участников конкурса и надеется, что заложенная нами традиция проведения конкурса (Приложение 5) будет и дальше продолжена, а спектр исследований локальной истории будет расширен.

ТРАГЕДИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ – ТРАГЕДИЯ МОЕЙ СЕМЬИ

*А. А. Григорьева, учащаяся 11 класса БОУ СОШ № 34 г. Омска.
Руководитель: Н. Р. Григорьева, учитель немецкого языка*

В СССР депортация была одной из форм репрессий (Приложение 1), выступая в качестве своеобразного инструмента советской демографической и национальной политики. Депортации подвергались как отдельные лица, так и целые народы, признанные официальной властью социально опасными. Депортация народов представляла собой насильственное переселение граждан по национальному признаку в отдалённые районы СССР. Так в 1942–1945 гг. в Сибирь, наряду с сотнями тысяч советских военнопленных, ссылались калмыки, немцы, финны, крымские татары, карачаевцы, чеченцы, балкарцы, турки месхетинцы и другие народы, жители территорий СССР, находившихся под оккупацией немцев, граждане стран Восточной Европы, в том числе русские эмигранты, оstarбайтеры и т. д. После советизации Маньчжурии в августе–сентябре 1945 г. депортации подверглись находившиеся там китайцы, японцы и русские эмигранты. После окончания Великой Отечественной войны, согласно договоренностям стран-союзников по антигитлеровской коалиции, в СССР были репатрированы тысячи советских людей, оказавшихся на территории Германии. **Репатриация** – возвращение на родину с восстановлением в правах гражданства или возвращение в страну проживания застрахованного при наступлении страхового случая.

В августе 2011 г. исполнилось 70 лет с начала депортаций в СССР. Период депортации российских немцев ещё недостаточно изучен, поэтому нашей целью является изучение трагедии российских немцев через историю моей семьи. Мы рассмотрим историю моей семьи на примере самых близких родственников: прабабушки, прадедушки и дедушки. В перспективе мы планируем расширить наше исследование и больше узнать о судьбах других членов моей семьи, а именно Гуф Геннадия Андреевича, Гуф Эльзы Генриховны (брат и сестра дедушки). В качестве основных источников в данной работе использованы архивные материалы, хранящиеся в Архиве УМВД России по Омской области.

Ещё в середине XVII в. в период возвышения Русского государства и упадка, разорения Германии немцы массово приезжают в Россию, образуя вербованные «полки нового строя» солдатские, рейтарские, гусарские. И это уже не участие в военных экспедициях, это было прив-

несением нового начала в отечественное военное дело. Немцы, оказавшиеся на государственной службе в России, использовались, прежде всего, как носители военного опыта Западной Европы, в этом главная особенность немецкого контингента в России. В 1914 г. началась первая мировая война. По всему миру распространилась «антинемецкая истерия». Она не обошла и Россию...

22 июня 1941 г. советские немцы, как и всё население Советского Союза, узнали о нападении Германии на СССР и начале Великой Отечественной войны. В первые недели и месяцы войны судьба немцев, проживавших в различных регионах страны, сложилась по-разному. Одни находились в тылу и были вовлечены в общенациональную борьбу за отражение агрессии, другие довольно быстро оказались в зоне боевых действий или даже под оккупацией германских и румынских войск. Наиболее характерной, в этом плане, является судьба немецкого населения Республики немцев Поволжья и Украины. Депортации немецкого населения СССР, осуществлённые в 1941 г., до сих пор в российском обществе оцениваются неоднозначно. Спектр мнений чрезвычайно широк: от полного оправдания действий властей как превентивной меры в сложных условиях начала войны, до категорического отрицания какой-либо целесообразности выселения немцев и объявления депортации актом мести, элементом геноцида против советских немцев.

Страх перед «пятой колонной» в ряде стран превращался в антинемецкую истерию. Особенно широкий размах она имела в Польше, Бельгии, Франции. Руководство многих стран принимало огульные репрессивные меры в отношении населения, этнически родственного противнику. Несмотря на проведённую советскими властями депортацию немецкого населения европейской части СССР, всё же довольно значительное число советских немцев, проживавших в Украине, Белоруссии, Прибалтике и прилегающих к ним западных областях РСФСР, из-за быстрого продвижения германских войск, вывезти не удалось, они оказались на оккупированных территориях. По первым подсчётам оккупационных властей, на этой территории находилось 163 тыс. этнических немцев (в т. ч. по генералкомиссариатам: в Житомире – 42 тыс., в Киеве – 9 тыс., в Луцке – 5 тыс., в Днепропетровске – 70 тыс., в Николаеве – 37 тыс.) [1]. Согласно распоряжению Гитлера от 17 июля 1941 г. на Украине должна была быть применена ранее уже применявшаяся в Польше процедура регистрации и проверки этнических немцев (Deutsche Volksliste). После ожесточённых боев фашисты начали отступать, забирая с собой жителей немецких деревень на так называемую «историческую Родину». По приблизительным подсчётам, к моменту

окончания войны за рубежами СССР оказалось приблизительно 300–350 тыс. немцев – граждан СССР. Суммарное же количество лиц, проживавших на территории СССР до 22 июня 1941 г. и вывезенных с его территории достигало огромной цифры – примерно 8,5–8,7 млн человек. Это были военнопленные (ок. 3,3 млн), завербованные на территории СССР и вывезенные оттуда насильно остарбайтеры (ок. 3,8 млн), беженцы и эвакуированные (1 млн) и др. Вот почему с вступлением Красной Армии на территорию сопредельных государств вопрос репатриации советских граждан приобрёл для Советского руководства практическое значение [1].

В ходе Ялтинской конференции глав государств антигитлеровской коалиции советское руководство оказало беспрецедентный нажим на своих союзников и в буквальном смысле слова вырвало у них обязательство передать всех без исключения советских граждан – перемещённых лиц – советским властям. На основе этих соглашений были заключены конкретные двусторонние соглашения между СССР и Великобританией, США, Францией, Бельгией и некоторыми другими странами-союзниками по антигитлеровской коалиции. Уступка союзников стала роковой для судьбы советских немцев – перемещённых лиц. Уже отмечалось, что почти все они сознательно ушли на Запад, понимая неизбежность репрессий, ждавших их в случае попадания в руки советских властей. Теперь они были бессильны что-либо изменить в своей судьбе. В целом, в СССР было возвращено около 200 тыс. немцев-репатриантов. Приведённое число репатриированных позволяет заключить, что не всех немцев, покинувших в годы войны СССР, советским репатриационным органам удалось вернуть. Значительная их часть осталась на Западе. Те же, кто был возвращён в СССР, оказались расселены буквально по всей территории Советского Союза. По данным МВД СССР в январе 1953 г. в СССР на спецпоселении находилось 208 388 немцев-репатриантов. Из них в наличии числилось 203 796 человек, в розыске находилось 147, было арестовано 4445. В исправительно-трудовых лагерях и на стройках МВД трудилось 540 репатриантов. Среди находившихся на спецпоселении больше всего – 145 858 чел. (70%) – проживало в РСФСР, 42 850 чел. (20%) – в Казахской ССР и 18 023 чел. (8,7%) – в Таджикской ССР. В других союзных республиках (Узбекской, Киргизской, Туркменской) проживали остальные 2,3% немцев-репатриантов. В РСФСР немцы-репатрианты проживали в 9 автономных республиках, 4 краях и 29 областях. Ареал проживания этой категории немцев включал в себя обширную территорию от Московской и Тульской областей на западе до Приморского края, Сахалина и «Дальнего Севера» (т. е. Колымы, Камчатка

и Чукотки) на востоке, от Крайнего Севера до южной границы СССР с Монголией. Наибольшее число репатриированных немцев проживало: на Урале (в Молотовской обл. – 17 831, в Свердловской обл. – 12 076, в Удмуртской АССР – 7580, в Челябинской обл. – 4264 и др.); на европейском севере РСФСР (в Архангельской обл. – 10 976, в Коми АССР – 10 131, в Вологодской обл. – 9462 и др.); в Западной Сибири (в Алтайском крае – 13 841, в Новосибирской обл. – 13 262, в Томской обл. – 5830, в Кемеровской обл. – 4888 и др.). Неожиданно много немцев-репатриантов оказалось расселено в центральных областях и Волго-Вятском регионе (в Костромской обл. – 6342, в Кировской обл. – 5735, в Марийской АССР – 2594, в Ивановской обл. – 1779, в Горьковской обл. – 1174 и др.). Достаточно большие группы репатриированных немцев имелись в республиках, краях и областях Восточной Сибири (в Иркутской обл. – 4418, в Красноярском крае – 3200, в Якутской АССР – 977, в Бурят-Монгольской АССР – 867 и др.) [1].

В дальнейшем судьба немцев-репатриантов неразрывно связана с судьбой всех остальных советских немцев, находившихся на спецпоселении. Режим спецпоселения для немцев СССР формировался постепенно в течение всех военных лет. Массовые случаи самовольного переезда немцев из района в район осенью 1941 г. отмечались практически в каждом донесении, поступавшем из краевых и областных управлений НКВД в центр. За счёт прибытия семей резко возросло число немцев на бывших объектах «Трудармии», т. е. на заводах, фабриках, стройках. За счёт этого значительно возросло городское немецкое население и частично сократилось сельское, хотя оно и продолжало оставаться преобладающим. Географически немецкое спецпоселение значительно расширилось. Произошла своего рода диффузия немцев из районов первоначального последепортационного расселения в Западной Сибири и Казахстане в целый ряд других регионов: на Урал и европейский Север, в Восточную Сибирь и на Дальний Восток, в Среднюю Азию и некоторые другие регионы [2].

По прибытии в спецпоселение немцы заполняли анкету. Вместо паспорта у них была справка, которую нужно было всегда носить с собой. Немцев очень ущемляли в правах, о чем свидетельствуют расписки, которые им приходилось подписывать. В комендатуре на каждого был заведен контрольный лист, в котором они каждый месяц отмечались. Каждому члену семьи выдавалась подписка, в которой отмечалось: «мне объявлено, что я не имею права выезжать, менять местожительство и работы, хотя и временно, без разрешения местных органов МВД. (...) В случае нарушения данной подписки я буду привлечен

к уголовной ответственности до 10 лет лишения свободы». Само собой разумеется, им нельзя было сбегать с места поселения, что тоже грозило 20 годами каторжных работ.

Процесс реабилитации репрессированных лиц в СССР начался в 1953–1954 гг., были отменены незаконные акты против народов, подвергнувшихся переселению и высылке, признаны незаконными решения внесудебных органов ОГПУ – НКВД – МГБ, вынесенные по политическим делам. Однако, уже в начале 1960-х гг. число реабилитированных постепенно сокращается, причиной чему становятся рецидивы тоталитарной политики государства, в числе которых имеются попытки вернуться к сталинским идеологическим установкам. Постановлением Политбюро ЦК КПСС от 11 июля 1988 г. «О дополнительных мерах по завершении работы, связанной с реабилитацией необоснованно репрессированных в 1930–40-е годы и начале 1950-х годов» было дано поручение Прокуратуре СССР и КГБ СССР в связке с местными органами власти продолжить работу по пересмотру дел в отношении лиц, репрессированных в 30–40 гг., без необходимости наличия заявлений о реабилитации и жалоб от репрессированных граждан [3]. По сведениям, предоставленным Генеральной прокуратурой РФ и МВД РФ, за весь период реабилитации на момент 1 января 2002 г. было реабилитировано свыше 4 миллионов граждан, включая 2 438 000 человек [4], которые были осуждены в судебном и несудебном порядке к мерам уголовного наказания.

Депортация российских немцев в Сибирь и Казахстан – страшная страница отечественной истории. Судьбу своего народа сполна разделила и наша семья Гуф. К началу войны семья моего дедушки Гуф Рудольфа Андреевича состояла из 6 человек: отец – Гуф Андрей Емельянович, мать – Гуф Ида Ивановна, мой дед – старший сын в семье, сестры Эльза, Грета и брат Роберт. Последний ребенок Роберт родился за 4 дня до начала войны – 18 июня. Дедушке же тогда было всего 8 лет. Жили они в деревне Черемошня Житомирского района Житомирской области. Хозяйство у них было крепкое. Деревню окружали леса и поэтому все в деревне занимались плотницким и столярным делом, держали скотину, но с приходом войны все изменилось...

Восстановить достоверную картину событий, предшествующих появлению нашей семьи в Омске, достаточно сложно, так как существует много разночтений в данных документов и сведений, полученных непосредственно от родственников. Тем более что часть документов оказалась недоступна для нас.

...Осенью 1943 г. семья моего деда вместе со всеми жителями их деревни была вывезена фашистами в Германию. Несколько дней они

пробыли в Польше, на границе с Германией. Потом их привезли или в «Klein Moscha» – возле Лейпцига (это версия родственников), или оставили в Польше в городе Явор, где с 1941 по 1943 г. они работали у помещика (так написано в официальных документах, а именно в анкете моего дедушки Гуф Рудольфа Андреевича, сохранившейся в Спецкомендатуре г. Омска). До сих пор это остается для нас загадкой. Вся семья жила в семье немецкого бауэра. Так как мой дед был самый старший из детей, его отправили работать на молочный завод.

Территория проживания моей семьи в 1945 г. оказалась под командованием советских войск и, проработав в военной части ПП14.480 два года, каким-то образом они попали в репатриационный лагерь в Польше, в городе Волау [о чем свидетельствует регистрационный лист лагеря под № 277], откуда их в 1947 г. погрузили ночью в вагоны для скота и отправили на спецпоселение в Сибирь. Так наша семья попала в Омск. Все многодетные семьи отправляли в деревню. Однако прадеду удалось с кем-то договориться, поэтому семья осталась в городе.

Всем спецпоселенцам выдавалась подписка о том, что они не имеют права уезжать, менять место жительства и работы, хотя и временно, без разрешения местных органов МВД; нарушение данной подписки каралось 10 годами лишения свободы. Поэтому на любую отлучку с места жительства необходимо было разрешение официальных органов. Даже на сенокос в другую деревню надо было брать разрешение. Сохранилось разрешение, выданное моему прадеду Гуфу Андрею Эмильевичу 28 июля 1949 г. на сенокос, в котором говорилось, что ему «разрешается временный выезд с места поселения сроком на 12 дней в село Ашировское Тюкалинского района в связи с выездом на сенокос». После возвращения на место поселения это разрешение нужно было сдать в Спецкомендатуру МВД. Чего стоило добиться разрешения выехать в другой город?! Моему прадеду с 24 января по 10 февраля 1955 г. удалось съездить в совхоз Боровой Алтайского края к своему брату. Для этого он писал заявление коменданту Омской Комендатуры 21 января 1955 г. В этом разрешении также указывалось, что уклонение от маршрута подлежит немедленному задержанию и уголовной ответственности.

Первые два года после прибытия в Омск вся семья вместе с малолетними детьми еженедельно, а потом ежемесячно ходила отмечаться в НКВД. Это подтверждает контрольный лист явок на регистрацию спецпоселенца, состоящего в Комендатуре, а именно контрольный лист моего деда Гуф Рудольфа Андреевича. Вместо паспорта всем спецпоселенцам были выданы справки, в которых указы-

валось, где они работают и живут [Справка, выданная моему прадеду Гуф Андрею Эмильевичу 25 мая 1948 года]. Каждый год им нужно было продлевать эту справку. На оборотной стороне ставился штамп со сроком действия справки. Так, например, в моей семье эти справки были у всех работающих людей. Вместо улицы и дома у них было написано: «Палаточный городок № 16, землянка № 57». Так они все здесь и жили.

В 1954 г. Ида Ивановна хотела получить паспорт и обратилась с просьбой к помощнику коменданта. Тот отправил обращение к начальнику паспортного стола. Казалось бы, она уже не была в спецпоселении, но согласно архивной справке начальника ПРО УМ г. Омска ст. лейтенанта милиции Кондратьевой, в получении паспорта ей все равно было отказано. В 1955 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о том, что со всех без исключения остававшихся к тому времени на спецпоселении немцев были сняты, предусмотренные этим режимом, ограничения. В связи с этим, всем бывшим спецпоселенцам были выданы расписки в том, что из спецпоселения они освобождены, но без права на возврат имущества, оставшегося у него при выселении, и возврат к прежнему месту жительства до выселения. Прадед погиб в 1971 г. После смерти прабабушки в 1988 г. вся семья постепенно уехала в Германию. Остался в Омске только мой дед.

В 1960-х гг. мой дед познакомился с моей бабушкой. Они поженились. Еще не зажили раны войны. В сознании прочно укоренилось: раз немец – значит, фашист, поэтому немецкая национальность тщательно скрывалась. Само собой, когда началась реабилитация, немцы вздохнули свободно. Но не все было так хорошо. Им по-прежнему нужно было не разглашать свою национальность, прятаться за русскими именами. Было трудно поступить на работу, на учебу. В общем, повсюду было их национальное притеснение. Никому, даже в семье, нельзя было рассказать об истории своей семьи, обо всех своих бедах и трудностях. По паспорту мой дед Рудольф, но все, кто его знал и даже в немецкой семье, его всегда называли Володей. Быть немцем не приветствовалось. Хотя в нашей семье поддерживались немецкие традиции. Каждое воскресенье прабабушка ездила в Молитвенный дом на окраину города. Пекла традиционный немецкий кухен, на который съезжалась вся большая семья. Для нас очень ценная реликвия – его рецепт. Сколько лет прошло, но по рассказам мамы, у нее не получается сделать такой вкусный пирог, как у её бабушки. В комнатах по стенам были развешены вышитые прабабушкой «шпрухи» (вышитые картины со светскими или библейскими изречениями). Перед Пасхой она сеяла в горшочки травку, чтобы внуки могли найти в ней крашеные яйца. На радость праба-

бушки моя бабушка (русская, вышедшая замуж за немца) покрестила свою дочь (мою маму) в лютеранскую веру, какой потом стала и я. С внуками прабабушка всегда говорила по-немецки, чем прививала любовь к языку.

Уже нет с нами наших прадедов и дедов. Но и теперь в нашей маленькой семье мы сохраняем и соблюдаем немецкие традиции. Благо, нам не нужно ни от кого прятаться. Жизнь моей семьи до и после войны очень изменилась. Людей с их обжитого места заставили уйти, бросив все свое имущество, в неизвестность. Их труд был тяжек, хоть они не были в Трудовой армии. После войны их жизнь не облегчилась. Людей все также клеймили за их происхождение, ведь до конца дней своих они выдавали себя за русских. До войны такого жесткого контроля и слежки не было.

Для меня история нашей семьи очень важна. Мы должны беречь свой язык и свои традиции, заботливо передавать их следующим поколениям. Надеюсь, что мои дети и внуки будут так же, как и я, сохранять традиции и знать свой язык. Будущее – отражение прошлого. Не зная прошлого своей страны, своего народа, нельзя идти в будущее. Ведь, оглядываясь назад, в прошлое, можно избежать тех страшных ошибок, сделать правильный выбор.

У российских немцев будущее может быть только при условии развития и укрепления России. Сегодня, наконец, у каждого есть реальный шанс своим трудом, предприимчивостью, упорством, инициативой изменить нашу общую жизнь, добиться успехов. Не уповать на помощь извне, не жить ожиданием того, что все само собой исправится, станет лучше, а просто работать, добиваться поставленных целей. Это касается всех граждан страны, в том числе и российских немцев. Немцы России сегодня – общность современных, готовых к переменам людей, которые живут судьбой своей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Герман А. А.* История российских немцев. М. : МСНК-пресс, 2005; *Герман А. А.* «Выселить с треском». Очевидцы и исследователи о трагедии российских немцев : сборник научных статей и воспоминаний. М. : МСНК-пресс, 2011; *Ауман В. А.* Депортация российских немцев в восточные районы страны // *Немецкий российский этнос: веки истории.* М., 1994. С. 77–83; *Бруль В.* Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.). Сравнительный анализ // *Наказанный народ: Репрессии против российских немцев.* М. : Звенья, 1999. С. 95–117 и др.

2. *Белковец Л.* Спецпоселение немцев в Западной Сибири (1941–1955 гг.) // *Наказанный народ: Репрессии против российских немцев.* М. : Звенья, 1999. С. 158–179.

3. *Герман А. А.* Репрессии как неотъемлемый элемент политики большевистского режима по отношению к российским немцам // *Наказанный народ: Репрессии против*

российских немцев. М. : Звенья, 1999. С. 17–25; *Чебыкина Т.* Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Наказанный народ: Репрессии против российских немцев. М. : Звенья, 1999. С. 118–127.

4. Информационный портал российских немцев. URL: <http://www.rusdeutsch.ru/>; Депортация // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Депортация>.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕПОРТАЦИИ ДЛЯ СЕМЬИ ШНАЙДЕР

*В. В. Шнайдер, учащаяся 10 класса МОУ «Любино-
Малоросская СОШ»*

Руководитель: Л. Э. Гехт, учитель немецкого языка

Как гражданин великой страны, Российской Федерации, автор считает своим долгом знать ее историю. Кроме объема учебника истории школьной программы, интерес представляет период Великой Отечественной войны, и если говорить подробнее: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 год «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». 2011 год напомнил российским немцам об одном ужасном событии в истории России – исполнилось 70 лет со дня издания указа. Депортация не обошла и семью Шнайдер Натальи Ивановны (фото 1). Эта страница в истории семьи Шнайдер ранее не была описана, поэтому эту задачу выполняет российская немка, Шнайдер Виктория Викторовна, а в Книге Памяти «Истории немцев России» отдела «История и этнография российских немцев» школьного историко-краеведческого музея имени Лощининой Марии Ионовны появилась новая страница.

Из различных источников по истории немцев России, известно, что начало Великой Отечественной войны немцы восприняли как национальную трагедию. Ведь это уже не первая война для них в России. В годы Первой мировой войны немцы служили в царской армии. И в 1941 г. они были готовы воевать в рядах Красной Армии. Об этом свидетельствуют 2500 заявлений, поступивших в первые месяцы войны от немцев Поволжья. Они обратились с просьбой направить их добровольцами на фронт и 8000 вступили в ряды ополчений [2; 4]. После издания Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г. была ликвидирована Автономная Республика немцев Поволжья и произведена тотальная депортация немцев из АССР. В Большой Советской Энциклопедии определение депортации звучит так: «Депорта-

ция (от лат.) – изгнание, ссылка, высылка. В праве термином «депортация» обозначают особые виды ссылки, применяемые в 18–19 вв. по уголовному законодательству Франции, в 16 в. – Англии. ...С 1881 г. депортация, как вид наказания, нигде не практиковался» [1]. Тем не менее, несмотря на это утверждение, депортация применялась некоторыми странами в годы Второй мировой войны для ссылки целых наций, народов, в том числе и Советским Союзом против своих же граждан – российских немцев.

С целью депортации заранее (по воспоминаниям жителей АССР НП, ещё 26 августа) на территорию АССР НП были введены войска НКВД. Немцам было отдано распоряжение: в течение 24 часов подготовиться к переселению и с ограниченным количеством своего имущества прибыть в пункты сбора. Немецкие жители республики были вывезены в отдаленные районы Сибири, Казахстана и Средней Азии. Согласно этому указу в сентябре–октябре 1941 г. было депортировано 446 480 советских немцев (по другим данным 438 280). В сентябре 1941 г. многие военнообязанные лица немецкой национальности были отправлены с фронта в тыловые части. В последующие месяцы депортация коснулась почти всего немецкого населения, проживающего на территории Европейской России и Закавказья, не занятых вермахтом.

Переселение немцев производилось постепенно и завершилось к маю 1942 года. Всего в годы войны было переселено до 950 тыс. немцев [6]. 367 000 немцев было депортировано на восток (на сборы отводилось два дня): в республику Коми, на Урал, в Казахстан, Сибирь и на Алтай. Летом 1941 г. в АССР НП выявилось недовольство молодежи тем, что военкоматы отказывали ей в призыве в армию. Это послужило поводом к последующим событиям. После визита в АССР НП Л. П. Берии и В. М. Молотова 28 августа 1941 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорилось о наличии шпионов и диверсантов среди немецкого населения; население обвинялось в скрывании врагов Советской власти и советского народа. Во избежание нежелательных последствий признавалось необходимым переселить все немецкое население, проживающее в республике немцев Поволжья, в другие районы [7].

Для расселения выделены были районы Новосибирской и Омской областей. Алтайского края, Казахстана и другие регионы. Для проведения операции по выселению немцев из Саратовской области и АССР НП было направлено 1450 человек сотрудников НКВД, 3000 человек – работников милиции и 9650 красноармейцев [8]. Отправку эшелонов с немцами-спецпереселенцами предписывалось начать 3 сентября 1941 г. В Красноярский край предполагалось направить 21 450 се-

мей [9]. В ходе операции из бывшей республики немцев Поволжья было отправлено 438 280 немцев. Процедура выселения была крайне упрощена. С начала 1942 г. мужчины в возрасте от 15 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет, у которых дети старше 3 лет, были мобилизованы в так называемые рабочие колонны, позже получившие название трудармии. Мобилизованные немцы строили заводы, работали на лесозаготовках и в рудниках. Постановление ГКО СССР № 1123сс от 10 января 1942 г. [7] обязывало НКО мобилизовать для работы на лесозаготовках, промышленном и железнодорожном строительстве 120 тыс. немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет из числа выселенных в Новосибирскую и Омскую области, Красноярский и Алтайский края и Казахскую ССР. Постановление ГКО СССР № 1281сс от 14 февраля 1942 г. [8] значительно расширило список территорий, с которых немцы подлежали мобилизации. Наконец, постановлением ГКО № 2383сс от 7 октября 1942 г. [10] мобилизация была распространена и на немцев в возрасте от 15 до 16 и от 51 до 55 лет. Также этим постановлением мобилизовывались и все женщины-немки в возрасте от 16 до 45 лет (кроме беременных и имеющих детей в возрасте до 3 лет)...

Когда началась Великая Отечественная война, прабабушка автора работы, по отцовской линии Шнайдер Наталья Ивановна (фото 1а) и прадед Шнайдер Эммануил Яковлевич проживали в с. Ней-Бауэр (колхоз «Ротер Кампфер») Эггеймского района Саратовской области. Прадед трудился в колхозе, а прабабушка воспитывала троих детей. Жили они в собственном доме. Но август 1941 г. круто изменил их жизнь. Семья Шнайдер в составе пяти человек была отправлена 3 сентября 1941 г. эшеленом № 741 на спецпоселение в Омскую область Большереченский район. Об этом свидетельствует справка, выданная на главу семьи – Шнайдера Э.Я. (фото 2). И еще один документ, это тоже

Фото 1.
Шнайдер Н. И. с детьми

Фото 1а. Шнайдер Н. И. –
моя прабабушка

ЗАПОЛНЯЕТСЯ НА ГЛАВУ СЕМЬИ

1. Фамилия Шнайдер

2. Имя, отчество Эммануил Эммануилович

3. Год рождения 1912 г. Место рождения с. Ней-Бауэр Саратовской области Юстицинский район

4. Национальность немец

5. Место жительства (почтовый адрес) с. Ней-Бауэр Саратовской области Юстицинский район

6. Род занятий тракторист

7. Основание для отправки в Сибирь собственная семья

Карточка составлена 30.06.1947 г.

Фото 2. Карточка на главу семьи Шнайдера Э.Я. и членов его семьи

Члены семьи:

Фамилия, имя и отчество	Год рождения	Степень родства
Шнайдер Эммануил Эммануилович	1912	муж
— Шнайдер Эммануил Эммануилович	1936	сын
— Шнайдер Эммануил Эммануилович	1938	сын
— Шнайдер Эммануил Эммануилович	1940	дочь

Особые отметки:

Фото 3. Приемная квитанция на имущество прадеда Шнайдера Э.Я.

ПРИЕМНАЯ КВИТАНЦИЯ № 35

На имущество колхозника или единоличн. крестьян, к-да

Область Саратовская

Семья или человек Шнайдер Эммануил Эммануилович

Фамилия, имя и отчество прадеда Шнайдер Эммануил Эммануилович

Наименование имущества	Кол-во	Состояние	Отметки
Кровати	1	Фев	1962
Кухонный стол	1		10
Ванна	1		15
Кухонный шкаф	1		10
Стол	1		2
Стол	1		10
Ларь	1		10

Итого: 172 руб.

Сумма: 172 руб.

Фото 4. Квитанция на имущество семьи Шнайдер

архивная справка о подтверждении прибытия на место спецпоселения. Эти справки были найдены в семейном архиве Натальи Ивановны (фото 3, 4). В то время супруги Шнайдер были еще совсем молоды: 26 и 28 лет. Их дети соответственно были малы: Эммануил – 5 лет, Александр – 3 года, Мейда 1 год.

Чтобы хотя бы частично восстановить историю семьи Шнайдер, родители автора работы, обратились за информацией к старшему из детей – Шнайдер Александру Эммануиловичу, который в то время проживал в Саратовском районе в селе Верблюжье. Из воспоминаний А. А. Шнайдера: «Как известно, место спецпоселенцы себе не выбирали.

Куда были распределены, туда и селились. Это значит, депортированные должны были начинать заново жизнь, на пустом месте? А все их нажитое имущество осталось там, в селе Ней-Бауэр (колхоз «Ротер Кампфер») Саратовской области». В 2000 г. Шнайдер Оксана Васильевна делала запрос в Саратовскую область на документы Шнайдер Н. И. Из госархива пришла приемная квитанция № 35. (фото 4). Это квитанция на имущество колхозника, Шнайдера Эммануила Яковлевича. Из нее понятно, что жили Шнайдеры небогато: кровать деревянная, этажерка, диван деревянный, стол, два стула и ларь. Дом у них был собственный. Что ожидало их в Сибири?

Шнайдеров поселили в селе Красный Яр. Глава семьи устроился трактористом-комбайнером, а детей в детский сад. Из воспоминаний

Александра Эммануиловича: «Но они, дети, (особенно сыновья, Эммануил и Александр), были настолько привязаны к отцу, что с самого утра убежали из детского сада и прятались под комбайном. Товарищи по работе с улыбкой встречали Шнайдера: «Твои комбайнеры уже ждут тебя, вон сидят под комбайном!» Эммануил Яковлевич отличался огромным трудолюбием, добросовестностью к порученному делу. В те трудные военные годы на него можно было положиться с уверенностью, ему доверяли как себе». С весны до поздней осени он трудился в поле, а зимой отправляли в кузницу. Здесь руководство заметило его старательное отношение к выполняемой работе. Но в кузнице было очень жарко, в то время некогда было задумываться об условиях труда, а на улице 40 мороза. Эммануил Яковлевич простудился и тяжело заболел. В 1942 г. семья Шнайдер потеряла своего кормильца. Может быть, поэтому Наталью Ивановну оставили с детьми, ведь в то время уже всю шла мобилизация немцев в трудовые колонны, так называемые, в народе, трудармии.

Жена, Наталья Ивановна, осталась совершенно не приспособленной и неготовой к самостоятельной жизни без мужа. После его смерти она жила и кормилась с тремя детьми только на то, что обменивала одежду, привезенную из Поволжья, на продукты. Почти три года ушло, чтобы она устроилась на работу и одна из причин этого – она ничего не понимала и совершенно не умела говорить по-русски. Но жизнь заставила преодолеть ее и это (фото 1). Из рассказов Александра Эммануиловича стало известно, что Шнайдер Н. И. пошла работать на ферму. Наталья Ивановна могла хотя бы тайком молока на ферме выпить бесплатно, а дети?! Несколько лет ее детишки скитались по селу, попрошайничали, так как мать целый день на работе, воровать молоко с фермы боялась, могли посадить за это в тюрьму. Сегодня такую картину можно увидеть только в неблагополучной семье.

В 1946 г. Наталья Ивановна с детьми переехала в Почекуево Большереченского района. Мальчиков взяли на работу: Эммануил и Александр пахали, сеяли, вывозили сено и зерно на быках. Тяготы и лишения, которые выпали на долю и детей прабабушки, заставили пойти ее сыновей, еще юных мальчишек, на работу. Как же они справлялись с такой непосильной им работой? И так в течение пяти лет. Став постарше, парням заменили быков на лошадей. Александр Эммануилович помнит, как у него были мерины в распоряжении, а у брата кобыла. Младший, Александр, всегда справлялся с работой быстрее и успевал сделать больше. Зимой ездили в тайгу на лесозаготовки, а в остальное время года работы хватало в селе и в поле. Еще пять лет работы на лошадях. В Почекуево работала мельница, там мололи для себя зерно:

два мешка увезешь, один на продажу, другой для семьи. Еле-еле концы с концами сводили, Заканчивался год, а колхозу оставался должным. Александр Эммануилович объясняет, что был не грамотным, закончил только один класс начальной школы, разбираться и защитить себя он, конечно, не мог. Но в душе была горькая обида: работать каждый день, с утра до ночи и оставаться должным?!

Шли годы, появились тракторы и комбайны. Александру Эммануиловичу доверили Сталинец-6, который нужно было цеплять к трактору и вперед по полю. Как только набирался полный бункер пшеницы или овса, свозили и выгружали на кучу прямо в поле. Бывало, уже снег выпадал, а овес еще не убран. Флягу воды с собой припасет А. Э. и так целый день, пока весь овес ни уберет. За один день удавалось 3–4 ходки сделать, т. е. 3–4 раза нагрузить и разгрузить бункер. Затем зерно вывозили с поля на, так называемых, безтарках: телега с бортами, а с боку небольшая дверца, ее поднимаешь и зерно высыпается. Его хранили в складах на ферме. Александр Эммануилович уже три года отработал на тракторе, и пришло указание, чтобы у каждого тракториста был документ по данной профессии. Местных трактористов обучали в Кирсановке шесть месяцев, но так как у Шнайдера был уже опыт работы на тракторах и комбайнах, ему разрешили приезжать один раз в неделю на зачеты. Через три месяца ему вручили документ об окончании курсов трактористов.

О Почекуево у Александра Эммануиловича самые яркие впечатления, там прожил он с родными с 1946 по 1974 гг. Село, между озером и речкой, т. е. с одного конца озеро, с другого – речка. Рыбаков было полно на водоемах день и ночь, да и скоту было, где пастись, вокруг богатые зеленые луга. Люди разных национальностей жили мирно и дружно: татары, украинцы, русские и сосланные немцы. Затем семья Александра Эммануиловича переехала в Верблюжье Саргатского района. Человек партийный, он показал себя хорошо на работе и спустя несколько недель, выделили 3-комнатную квартиру. О таких как он говорят «трудоголик». Директор совхоза «Юбилейный» спрашивал его в период уборочной страды: «Шнайдер, ты до каких пор будешь молотить?!», а он отвечал: «Пока роса ни упадет!». В трудовой биографии Шнайдера А. Е. еще годы работы в совхозе «Рассвет» Любинского района, несколько лет в 25 ремонтном цехе завода имени Баранова в г. Омске и три года кондуктором в восьмом городском автопарке. Уйдя на заслуженный отдых, А. Э. снова вернулся с женой в Верблюжье, в 2012 г. он ушел из жизни.

В 1970-е гг. Наталья Ивановна Шнайдер ездила с родственниками на родину в Поволжье. Нашла свою усадьбу, но там жили чужие люди.

На том и успокоилась. Шнайдер Виктор Владимирович, внук Натальи Ивановны, тоже хранит дорогие воспоминания о своей бабушке: «Когда я гостил у бабушки, в доме слышал только немецкую речь и многое, наверное, интуитивно понимал. Я видел, как она перед сном молилась, не дай бог, кто-нибудь засмеется в это время или будет спрашивать о чем-то. Пока молитву не дочитает, не ответит ни на один вопрос. У нее был свой уголок, трогать что-либо в нем строго настрого запрещалось, особенно Библию. Постоянно наставляла меня, чтобы я не ругался, был добрым человеком. По воскресеньям работать нельзя. А я и не спорил с ней. Нарубить дрова или еще в чем-то помочь по хозяйству я успевал и в будние дни. До сих пор помню ее маленькую, но очень уютную квартирку, всю в накрахмаленных салфетках, скатертях, вазочках. А вкус ее штруделей, мне кажется, я чувствую и сейчас»...

Из различных источников известно, что во время войны, когда на немцев было обращено такое пристальное внимание, изменялись отчества и фамилии. Просто немцы боялись за себя и своих детей, они хотели жить спокойно. О реабилитации семьи Шнайдер также имеются подтверждающие документы, но это лишь начало исследования. Главная задача подрастающего поколения, по мнению автора работы, является: достойно хранить память о своих предках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая Советская энциклопедия. М. : Просвещение, 1989.
2. *Иосиф Сталин – Лаурентиу Берии: «Их надо депортировать...»* : документы, факты, комментарии / вступ. ст., сост., послесловие д-ра истор. наук, проф. Н. Ф. Бугая. М., 1992. С. 37.
3. *Бруль В. И.* Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.). Сравнительный анализ // Наказанный народ: репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 101.
4. *Полян П. М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. Принудительные миграции в годы второй мировой войны и после ее окончания (1939–1953 гг.).
5. *Чебыкина Т.* Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941–1945 гг.).
6. *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М. : Наука, 2005. С. 94.
7. *Бугай Н. Ф.* Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселения. Л. Берия – И. Сталину // История СССР. 1991. № 1. С. 144–145.
8. *Фукс В.* Роковые дороги поволжских немцев 1763–1993 год. Красноярск, 1993. С. 84.
9. *Вылпан М. А.* Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 3.
10. РГАСПИ, фонд 644, опись 1, д. 61, лл. 138–140.

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЯ, МОЯ УЧИТЕЛЬНИЦА – «ВРАГ НАРОДА»?

Е. Шакирзянова, студентка ОмГТУ.

Руководитель: М. И. Машикарин, к.и.н., доцент, декан ФГО ОмГТУ

*Память активна. Она не оставляет человека
равнодушным, бездейственным.*

*Память противостоит уничтожающей силе
времени. И в этом величайшее значение памяти.
(Д. С. Лихачёв)*

Мы живём в очень интересное, насыщенное событиями время, время, когда происходят перемены не только в социально-политической жизни страны, но и в духовной жизни. И она, эта духовная жизнь, хотим мы этого или нет, незримыми нитями связана с прошлым нашей страны. У нас сегодня, к счастью, есть ещё возможность обратиться к интересным, заставляющим думать воспоминаниям. А они многое открывают в нашем понимании истории. И мне хочется высказаться сегодня о времени, о том, как воспринимало его старшее поколение, как в свою очередь, время формировало его, о такой жизненной позиции, которая называется гражданской.

Репрессии 1930-х годов... Эти слова выжжены на судьбах миллионов ни в чём не повинных людей: развороченный и разорённый очаг, страх, поселившийся в сердцах, слёзы, застывшие в глазах, и живая боль, заполнившая душу: «Враг народа!». Как ядовитая краска въедается в кожу, так и этот приговор беспощадно заполнял каждую клетку человека, переворачивая в нём всё вверх дном. Свалившееся горе сбивало с ног, лишало сил, убивало надежду, ставило, пожизненное клеймо на целые поколения семей. И только самые сильные, в ком горел огонёк веры в лучшее, спаслись, выкарабкались и выжили. Такой непростой жребий выпал на долю семьи моей любимой учительницы математики Кравцовой (Талер) Элеоноры Александровны, родившейся в Самаре 9 июня 1937 года.

«Была зима. Ночь. Был сильный буран. Крыша стонала от завывающего за окном ветра. Я никак не могла уснуть: мне почему-то было страшно. Вдруг неожиданный стук в дверь. Мне на миг показалось, что это непростой стук, уж сильно резкий и чёткий он был. Открыли дверь, а дальше всё так быстро: два человека в чёрных плащах, их грубая отчётливая речь, плачущая мама, каменное лицо отца, а потом чёрная машина, сумки и дорога...». Так, зимой 1942 г. все члены семьи Талер, в том числе и маленькая Эля, были признаны врагами народа по национальному признаку и вместе с другими немецкими семьями были высланы в Казахстан, в Карсакапай.

Голые, холодные барачные стены, сложенные так, что через их углы можно было видеть заснеженную степь, были их новым местом жительства. Углы залепили снегом, чтоб меньше дуло, – и началась новая жизнь. Они тогда не подозревали, что дырявые стены барака – это самая малая трудность из тех, что их ждали впереди.

Мама моей учительницы – Мария Гордеевна, тогда была молодая, красивая, окончила музыкальное училище, была по профессии хореографом. Но в Карсакае такой работы не было, и ей пришлось перебиваться случайными заработками: у кого-то убирала, кому-то стирала. Когда было совсем трудно, всей семьёй ловили сусликов. Варили и ели. А ещё делали из них мыло, продавали. Постепенно мать устроилась разнорабочей на железнодорожную станцию. Работа была грязная, но выхода не было. Дети долго нигде не учились: к ним, как к репрессированным, присматривались.

В 1946 г. вернулся из ссылки отец Элеоноры Александровны, Александр Фёдорович Талер. Он был сослан в Нижний Тагил, работал на лесоповале, где и оставил своё здоровье. Потом, вспоминая эти тяжёлые годы, он не раз говорил детям, что смутно чувствует, что великое зло, свершившееся в мире и одержавшее над людьми верх, погнавшее людей на каторгу и в тюрьмы, вряд ли могло бы свершиться, если бы каждый человек вовремя противостоял ему. Он был очень ответственным человеком, отец моей учительницы.

Потом он перевёз семью в Джезказган, в новый, строящийся город. Дворец Metallургов Джезказгана дал новую жизнь семье Талер. Отец Эли был творческим человеком: писал стихи, музицировал, играл на пианино, аккордеоне. Вскоре его назначили директором этого Дворца. Он привлёк всю семью к себе на работу. Вскоре семья Талер ставила своими силами даже маленькие оперетты. У Элеоноры Александровны был хороший голос, она замечательно пела. Наконец, дети пошли в школу. Это было знаменательным событием в их жизни. Занятия в школе давались с лёгкостью, дети с огромным интересом ходили на уроки. Но клеймо врага народа мешало жить. Приходилось терпеть и переживать множество конфликтов, оскорблений, унижений, но такие ситуации закаляли их характеры, ведь ребята понимали, что надо себя защищать. И родители верили в будущую память людей, которые когда-нибудь всё поймут и осудят уже не их...

Семья их обладала неистребимой силой духа и продолжала жить вопреки всем бедам. Было очень трудно морально, но без дела сидеть не приходилось, и в работе забывались все неудачи, горести и печали. Талер брали огороды, работали на них, также немного занимались хозяйством: выращивали свиней, а маленьких поросят держали дома, как

котят. До 1955 г. семья постоянно проверялась и контролировалась, поэтому они не могли никуда выехать. Царившая в семье любовь была сильнее всех невзгод, и жизнь постепенно наладилась.

Всё сложилось и у моей учительницы. После окончания средней школы в городе Джезказгане она поступила на физико-математический факультет Карагандинского педагогического института. Она, гордая, независимая, не терпела лжи, вступалась за слабого, за что её ценили студенты и преподаватели. Также Элеонора Александровна была активисткой, занималась профессиональной фотографией, всегда развивала голос, пела. Институт она закончила с «отличием». Но и тут пресловутое «клеймо» дало о себе знать: никуда, кроме Казахстана, нельзя было ехать работать.

В 1960 г. Элеонора вышла замуж и по распределению приехала в город Балхаш – в среднюю школу № 1, где и проработала 36 лет. Это были хорошие годы: рождение дочери и сына, встречи с интересными людьми, любимая работа учителем математики, талантливые ученики. Но работа «на износ», «с перехлёстом» привела к недугам – единственному, что омрачало её жизненный путь. Но по-другому она не умела. Такой и осталась в памяти родных, друзей, коллег и учеников...

Сталинские репрессии, искалеченные судьбы репрессированных, разбитые жизни. Стоит ли нам, молодому поколению, не знавшему войны, голода и разрухи, помнить о том, что было в далёкие 1930-е гг.? Слушая рассказы моей учительницы, следуя за её мыслью, разделяя её чувства, я всё больше убеждалась: стоит! Все мы в долгу перед прошлым и будущим, каждый из нас отвечает за своё время, которое это будущее готовит. Но не бывает ответственности без чувства памяти. Воспоминания того поколения – живая боль о времени, когда была развязана война против своего же народа. И мы должны знать об этой боли и помнить о ней. Будущее в наших руках, и наша прямая обязанность – изучить ошибки прошлого и не допустить их повторения.

С НАДЕЖДОЙ НА СПРАВЕДЛИВОСТЬ

И. В. Уляшева, учащаяся 11 класса, МКОУ «Атирская СОШ».

Руководитель: И. В. Терещенко

Рассказ пойдет об Игнатовой (в девичестве – Тимофеевой) Ольге Васильевне, которая родилась 15 марта 1930 г. на Украине, а в настоящее время она проживает на территории Имшегальского сельского поселения. Оказалась она здесь не по своей воле. Но уже много лет род-

ным краем для неё стал наш сибирский уголок. Совсем недавно от нее я узнала, что эта женщина – человек, проживший тяжёлую жизнь, испытавший на себе те гонения, которым подверглась потому, что родилась в то время на Украине...

Из воспоминаний Ольги Васильевны Игнатовой: «Отец Тимофеев Василий Константинович, 1898 г. рождения, мама Тимофеева Ганна Ивановна (год рождения не помню). В 1947 г. нас репрессировали из Иванофранковской области, Богородчанского района, деревни Солотвино. В шесть эшелонов загрузили нас, украинцев, и повезли в Омск.

С Украины ехали мама моя, я и старший брат. Вообще-то нас в семье только детей было 10 человек, но все остальные остались на Украине, а нас отправили в далёкую Сибирь. До сих пор не знаю, что стало причиной нашего насильного переселения. Никто мне на мой вопрос так и не ответил.

В вагонах было грязно и холодно, была, правда, печка железная на весь вагон. В дороге брат Степан заболел тифом. Приехали в Омск, брата куда-то увезли (позже я узнала, что он был где-то в Томске). Так нас разлучили, посадили на телеги-обозы и повезли дальше. Везли несколько дней, только успевали менять коней... Уезжая из своего дома, мы не брали много вещей. Ведь на Украине было тепло. Приехав в Сибирь, познали и холод, и голод. Путь от Омска показался вечностью. Но ещё более жуткие впечатления ожидали нас впереди.

Привезли нас на подводах в какие-то болота. Поселили всех в двух бараках. Там было холодно и сыро. Я и моя мама заболели тифом. Я не знаю, как мы выжили, ведь люди умирали как мухи. В бараках рядом с живыми лежали трупы. На тот момент мне было 17 лет, но я не боялась мёртвых, просто привыкла. Нам постоянно было холодно и хотелось есть.

Под весну нам какой-то охотник сказал, что если нас сейчас не вывезут, то мы все здесь утонем, когда начнут оттаивать болота. Нас вывезли на подводах в Тевризский район, устроили в каком-то селе, расселили по квартирам. В этой деревне было лесничество, там мы и стали зарабатывать себе на хлеб. День отработаешь – получишь 20 грамм хлеба. В лесу рубили и собирали в кучи сучья, и жгли. Меняли оставшиеся вещи на продукты. Так мы прожили ещё год.

Вскоре нам пришло письмо с Украины от моей сестры. Она сообщила, что разыскала нашего Степана. Оказывается, его из Томской

Фото 1. Памятник матери

больницы отправили в деревню Васильевка Знаменского района (потом Васисского района). Осенью мы пустились на поиски сына и брата. Приехали в город Тару, стали расспрашивать, где находится эта деревня. Нам подсказали, что надо добраться до Пологрудово, переехать на пароме через Иртыш. Пешком мы отправились в дальний путь. Пришли в Пологрудово поздно вечером, переправились через Иртыш. На улицах чужого села было холодно и темно. Стали стучаться в дома – проситься переночевать. Нас не пускали. Лишь одна женщина показала на дом, где жили такие же, как и мы, переселенцы-украинцы. Там нас приютили и рассказали, как добираться дальше. Холодным утром мы продолжили путь до Атирки. Добрались до Атирского маслозавода, здесь ждали подводу из Васильевки. В Васильеве был тогда колхоз имени В. Чкалова – сливки возили в Атирку.

На Украине мы жили единоличным хозяйством. Мы и не знали, что такое колхоз. Сесть на телегу разрешили только маме. Я же всю дорогу шла пешком за конём. Руки до костей промёрзли, ноги прилипли к сапогам. Прибыли в деревню, нашли Степана. А он весь чёрный, в избушке тесно, грязно. Сам же он работал в колхозе на тракторе с утра до вечера. Отмыли мы избушку и стали жить втроём. Я бралась за любую работу, лишь бы что-то заработать. Мама тоже устроилась в колхоз, сажала и ухаживала за капустой. Однажды она пришла с работы с заплаканными глазами. Оказывается, они засадили огромное поле капустой, полили её. Но приехали какие-то чужие парни на конях и проборонили всё поле. Очень трудное было то время.

Мама умерла в 1952 г., похоронили мы её в этой чужой земле. Отец умер на Украине, связи с родными не было. Потом брат устроился в МТС, женился. Однажды он взял отпуск и решил съездить на родину. Уехал и даже меня не взял. Хотя я очень сильно скучала по родному дому, по своим сёстрам и братьям. Степан уехал один и больше не вернулся. Жил в Одессе, женился во второй раз. Так я осталась здесь совсем одна, ни родных, ни близких. Работала за двоих, возила воду на конях, пасла скот.

В 1955 г. переехала в село Имшегал, поселилась в небольшую избушку. Здесь и встретила своего Петра и в 1957 г. вышла замуж, родила четверых детей. Сейчас живу одна в собственном доме, получаю пенсию. У меня есть три внука и три внучки, есть правнук и правнучка. Всё вроде бы наладилось. Здесь прожила я большую часть жизни. Но только не даёт покоя один вопрос, за что? За что я пережила такие страдания? Почему мне не дано было жить в кругу своих родных? Кто попросит у меня прощения за сломанную юность? Нет ответа на мои вопросы. Так и живу все эти годы с надеждой на справедливость»...

РАЗДЕЛ 2. ПО МЕСТАМ ПАМЯТИ МОЕЙ

АРХИВНЫЙ ФОНД КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ «ТРУД – ССЫЛКИ»

*Н. С. Храпова, сотрудник Государственного архива
Омской области*

Архивный фонд № 1120 Государственного архива Омской области – «11-й отдел Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК) Управления Народного комиссариата Внутренних дел по Омской области» представляет собой комплекс документов, отражающий различные стороны жизни «труд – ссылки» 1930-х гг. Основная часть фонда – документы раскулаченных с 1930 по 1949 гг. Имеются личные дела, высланных на спецпоселение из Омской и других областей, материалы допросов, списки этапированных, посемейные списки трудопоселенцев, акты на их прием комендатурой, докладные записки о «политико-моральном» состоянии поселенцев и др. В подобных документах находят отражения судьбы большого количества людей, названных «кулаками». Личные дела содержат информацию о бывшем состоянии хозяйства трудопоселенцев, составе семьи; о предъявленных обвинениях, лишении избирательных прав, раскулачивании, выселении из района и т. д. Можно привести типичный пример анкеты к личному делу: «...Завьялов Т. Н., 42 года, имел: земли – 4 десятин, арендованной – 6, посев – 8 десятин, лошадей – 3, коров – 2–3, мелкого скота – 13, машины молотилка, жатка и плуг. До революции и после применял наемный труд – имел постоянных работников до 2-х человек, сезонных – до 4–5 человек... Выступал против всех мероприятий, проводимых на селе. В 1929 г. противодействовал закрытию церкви. Агитация против колхозов. Служил у Колчака по мобилизации... Лишен избирательских прав в 1930 году за эксплуатацию чужого труда и сельхозмашин...» [1].

Особый интерес для изучения представляют собой материалы о дислокации трудпоселков, расселении кулацкой ссылки (На 1 января 1935 г. всего в 13 районах Омской области, в состав которой входила территория Тюменская области, размещалось 120 трудовых поселений,

где размещалось 13 468 семей, что составляло 52 330 человек). В докладных записках трудопоселков содержится информация по состоянию административно-хозяйственного устройства трудопоселенцев, о месторасположении поселков, состоянии и движении населения, его политико-моральном состоянии, жилищных условиях, строительстве, снабжении продовольствием поселков, количестве побегов. Так, в докладной записке Шушишкарского районного отделения Тюменской области можно прочесть следующее: «...были созданы из трудопоселенцев группы по борьбе с побегами из 10 человек, которые одновременно были избраны общим собранием трудопоселенцев старшими во дворах, среди которых нами было наложено обязательство о полном предотвращении случаев побега среди трудопоселенцев в 1935 году...» [2].

Основной причиной побегов комендатурами поселков отмечалась жилищно-бытовая неустроенность. Для трудопоселенцев строились обычно землянки и бараки, признаваемые комендатурой поселков «малопригодными для индивидуального пользования» [3]. Качество выстроенных объектов было очень низкое, например, из выстроенных в 1932 г. 505 объектов по Сургутскому району отделению закончены были только 138 жилых дома, «...остальные стоят с неподшитыми фронтонами, и крыши домов гвоздями не окованы, что касается строения для культурно-бытовых учреждений, последние закончены только на 70%» [4]. В 1933 г. строительные работы и вовсе были прекращены из-за отсутствия средств. Подобная ситуация обстояла и в других районах.

В фонде имеется целый комплекс материалов, содержащих сведения о трудовой повинности, о занятии спецпоселенцев в лесоперерабатывающей отрасли, строительством, сельским хозяйством, кустарными промыслами, о создании артелей. Работали сапожные мастерские, деревообрабатывающие, пошивочные цеха, кирпичное и известковое производство, художественные мастерские (выработка туземных подвязок, опоясок, багажных ремней, олени сбруи, шнурки для ботинок, вязка кружев, плетение корзин, вышивка и другие мелкие работы) и прочие. Проводились строительные и другие хозяйственные работы. В артелях, как правило, имелись складские помещения, огород, обозы с лошадьми, кузница. В отчетах приводятся негативные высказывания трудопоселенцев о нежелании вступать в артели, например, Тимановский Ефим (пос. «Красный Яр»): «Для чего записываются в с/х артель, тогда как в Тюменском районе у колхозников все забрали, забрали весь хлеб, и они сейчас сидят голодом, так и будет с нашими артелями, то есть с 1936 г. будут брать налоги, а членам артели от их труда не остается ничего» [5].

В документах отражена и организация среди спецпереселенцев стахановского движения. «Проведенная стахановская декада дала и выявила из трудопоселенцев действительных стахановцев. Так, например, на поселке Колунгач бригада в количестве 6 человек пильщиков, работающая на распиловке лемма, существующую норма в 100 погонных метров предоставлены квартиры во вновь выстроенных стандартных домах на этих поселках, а также эти люди имеют другие поощрения, как-то: премируются деньгами, мануфактурой и др.» [6].

В трудопоселениях имелись клубы, избы-читальни, библиотеки, дошкольные учреждения. В каждом поселке выпускались стенгазеты, проводились киносеансы, ставились самодеятельные спектакли. При школах открывались кружки по ликвидации неграмотности, однако в документах отмечается недостаточная обеспеченность школ учебными пособиями и оборудованием. Таким образом, в документах фонда отражены многие стороны жизни трудопоселенцев, включая бытовые условия, медицинское обслуживание, образование и др. Они позволяют более подробно исследовать тему труд – ссылки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ф. 1120. Оп. 1, д. 19, л. 34.
2. Ф. 1120. Оп. 1, д. 1, л. 2.
3. Ф. 1120. Оп. 1, д. 8, л. 78.
4. Ф. 1120. Оп. 1, д. 5, л. 4
5. Ф. 1120. Оп. 1, д. 8, л. 162–163.
6. Ф. 1120. Оп. 1, д. 6, л. 28.

ОМСКИЕ ФАНТОМЫ ВАСЮГАНЬЯ

В. М. Зарубина, преподаватель МОУ СОШ «Старо-Югино»,
Томская область

*Мой народ вынес многое,
Нет печальней судьбы.
Мы забыли про Бога, но Бог про нас не забыл
Там, под спудом забвения, Души стонут, кричат...
Дай нам, Боже прощение, Дай нам силы прощать.
(А. Широков, участник экспедиции
«Прощение и память», г. Томск)*

Муниципальная программа «Прощение и память» реализуется на территории Каргасокского района Томской области с января 2006 г. Её уникальность в том, что она из школьного проекта стала проектом тер-

риториального образования. В реализации программы принимают участие: значительная часть населения района – дети, взрослые, администрации Каргасокского района и поселений Среднего Васюгана, Старой Берёзовки, Новоюгино, Мыльджино, Нового Тевриза, Сосновки, Нового Васюгана, Каргаска, Управление образования, опеки и попечительства МО «Каргасокский район», школы, православные церкви с. Каргаска, Среднего и Нового Васюгана, районные библиотека и музыкальная школа, Музей искусств народов Севера, Дом детского творчества.

«Прощение и память» – это проект, объединивший власть, народ, православную церковь, школу. Одной из задач проекта является реабилитация людей, подвергшихся репрессиям XX века и их последствий в нашей стране, другой – организация и проведение широкомаштабного образовательного события воспитательного и обучающего характера. «Прощение и память» – это одноимённая программа и гуманитарная экспедиция, объектом изучения, которой стало Васюганье как часть Сиблага. Печальными «паутинками памяти» стали кресты по берегам Васюгана (45) и Камни Скорби (Мыльджино, Новый Тевриз) с надписью «Жертвам сталинских репрессий вечная память!». Собранный во время экспедиции материал трансформировался в образовательные, разноплановые проекты и труды. Статьи в газетах: «Переменка», «Северная правда», репортажи КСТВ по местному и региональному телевидению, фотовыставки, многочисленные встречи, участие в работе районных, областных, региональных конференциях, выход сборника – это большой рассказ о том, как это было, тогда и теперь.

Образовательной «находкой» стали мультимедийные, информационные проекты участников экспедиции – детей и их наставников. Эмоционально и психологически трудная ноша нашла выход через творчество и созидание. Стихи, песни, рисунки, макеты, фильмы, презентации, с применением различных компьютерных программ, как результат осмысления события, творцами, которого стали сами дети. «Поколение, делающее историю», так назвала одну из своих статей, участница трех экспедиций Кристина Рейс. Это оценка, которую поставила школьница взрослым, рискнувшим поддержать «детский» проект. Практическому претворению в жизнь проект обязан в первую очередь Главе муниципального образования «Каргасокский район» Анатолию Михайловичу Рожкову, его первому заместителю Надежде Михайловне Бейдеровой, начальнику управления образования опеки и попечительства МО «Каргасокский район» Любове Александровне Илгиной, Председателю Думы Каргасокского района Владимиру Александровичу Протазову и депутатам Думы за неизменную, единодушную поддержку проекта.

Три года: 2006, 2007, 2008 – продолжалась практическая реализация проекта на Васюганье. Каждый год в июне месяце мы отправлялись в гуманитарную экспедицию по Васюганью. До Нового Тевриза мы дошли тем же путём, что и многие спецпереселенцы – рекой. Это, конечно, же, не было полной реконструкцией события, мы шли по Васюгану в комфортных условиях, а не в трюмах барж.

Лето 2008 года. Однодневный гуманитарный десант 12 июня – высаживаемся в Сосновке, одном из сёл рождённых Сиблагом, а 19 июня на вертолёте преодолели расстояние 640 км от Каргаска до Нового Васюгана. «Рождение» Нового Васюгана напрямую связано с массовыми репрессиями. Новый Васюган (Могильный Мыс) возник, как центр нового спецпереселенческого Васюганского района. Он, как и весь Васюган, был густо заселён страдальцами Земли российской в прошлом веке. Экспедиция работала здесь 4 дня. Первый день – реконструкция событий, на барже мы прошли небольшую частичку Васюгана и установили 2 поминальных креста в Волково и Айполово. Здесь по традиции священники: о. Феодор (Каргасок) и о. Сергей (Новый Васюган) совершили литию. Лучше поздно, чем никогда! Около крестов также по традиции экспедиции были установлены скамейки Памяти с табличками, на которых выгравированы слова М. Волошина:

*Далёкие потомки наши, знайте,
Что если вы живёте во вселенной,
Где каждая частица вещества
С другою слита жертвенной любовью
И человечеством преодолён
Закон необходимости и смерти –
То в этом мире есть и наша доля!*

Черноводье – Васюган и заросшие былём его берега остались те же и лишь карта комендатур напоминала о недавнем прошлом, о Васюганской Голгофе, на которую первыми «взошли» кормильцы России – крестьяне и их многодетные семьи. Они были со всех уголков СССР: Белоруссии и Украины, Дальнего Востока, Алтая, Восточной и Западной Сибири.

Омская область не стала исключением, как в зеркале она отразилась в топонимах-фантомах: Седельниково, Полтавка, Рагозино, Петровка, Белый Яр, Большая Грива, Красноярка, Борисовская и существующем Тевризе и возрождающемся Тюкалинке...

Из воспоминаний омичей, навсегда покинувших насильно «родину»... Пожидаев Иван Семёнович. 12-летний «кулак», спецпереселенец, танкист, участник и инвалид ВОВ (горел в танке под Минском, получил I группу по инвалидности). В послевоенное время спор-

тсмен-легкоатлет, чемпион 1948 г. (Симферополь. Всесоюзный кросс), рекордсмен Советского Союза в часовом забеге и в беге на 20 километров, участник международных соревнований 1949 г. (на приз «Юманите», студенческие игры в Будапеште), участник 15 Олимпийских игр в Хельсинки (1952 г., 9 место), «Заслуженный мастер спорта СССР», «Заслуженный тренер СССР», преподаватель государственного института физической культуры и спорта им. П. Ф. Лесгафта в Ленинграде вспоминает: «Родился я 27 марта 1918 года в деревне Крутые Луки, Калачинского района, Омской области. Семья была большая: четыре брата, две сестры, отец, мать и няня-старушка, которую приютили в семье; она была беспризорная. Жили своим натуральным хозяйством; было четыре лошади, коровы, овцы, куры, гуси, индюки. Отец работал в кузнице, а мы дети, занимались сельским хозяйством, за девять километров от деревни ходили в школу, но все изменилось...».

Фантомная боль поселилась в душах людей – взрослых и детей, переживших гонения, а также в их потомках...

КНИГА ПАМЯТИ – КУЛАЙ

*Д. В. Алексеенко, Е. И. Мартюшов, Я. В. Петрова,
студенты ОГКУиПТ, г. Омск*

В Омской области завершается работа по созданию Книги Памяти репрессированных и раскулаченных крестьян. В эти дни, когда в стране отмечают 80-летие начала массового раскулачивания и высылки крестьян, редакционный коллектив Книги Памяти (см. фото 1) тщательно изучает архивные документы для составления полного списка

Фото 1. Книга памяти

граждан Омской области, подвергшихся раскулачиванию в тридцатые годы прошлого столетия. Как сообщила редактор Книги Памяти Татьяна Четверикова: «Нам предстоит рассмотреть порядка 28 тысяч документов – именно столько семей омских крестьян, по предварительным данным, подверглось раскулачиванию. К сегодняшнему дню изучили примерно две трети дел. Многие данные приходится тщательно перепроверять» [1; 3 и др.]. Сейчас изучаются материалы

Государственного архива Омской области по Тарскому, Калачинскому, Тюкалинскому и Черлакскому районам. Параллельно идет сбор воспоминаний детей и внуков репрессированных. Таких свидетельств в редакции накопилось немало, все они будут представлены на страницах Книги Памяти.

В эти дни идет работа, касающаяся первой волны раскулачивания – 1930 г., а была еще вторая, более масштабная, весной 1931 г. В 1930 г. омских крестьян ссылали, в основном, район таежной речки Кулай, за Тарой, то в 1931 г. их отправляли баржами по Иртышу, Оби в Нарымский край в Томской области. Поэтому сотрудники Книги Памяти тесно контактируют с Томским областным архивом. Высылка захватила 1932 и 1933 годы...

«Супруги Каратаевы из Тары (фото 2), возвращавшиеся от батюшки из Унары и встретившие по дороге обоз со ссыльными, вспоминали: «Колонна растянулась на два с лишним километра. Дорогу так разбили, что двигались по ней с трудом. По краям ехала верховая охрана. Не дай бог, кто-нибудь из местных попробует передать несчастным кусочек хлеба или яичко. Охрана гоняла плетками» [1]. О масштабах Кулайской ссылки можно только догадываться. Известно, что первой партией туда было отправлено 2790 хозяйств – это 8891 человек. Правда, настоящих богатеев, по воспоминаниям очевидцев, на Кулае никто не видел. Говорят, они откупались от коммунистов золотом. Из воспоминаний Ефросиньи Кучер (в замужестве Ехлаковой): «Мы жили в Новоуральском. В семье было десять человек. Брат вместе со своей семьей жил с нами. Отец с братом были хорошо образованные по тем временам, работающие. Они и в деревенскую коммуну пошли, не особенно упираясь. А куда было деваться?.. Вот брат с отцом вывели какой-то очень хороший сорт пшеницы, оставили его для посева. А тут набежала деревенская голытьба, весь дом вывернули наизнанку, забрали и новую пшеницу, и миски со сковородками, и даже наши теплые детские вещи вытряхнули. Отправили в ссылку полураздетыми. Мне тогда было 10 лет, отец меня особенно берег, надеялся: разберутся и нас отпустят. До Кулая кто-то добирался месяц, а кто-то и того больше. К концу пути, как правило, съедались все запасы, взятые из дома, и теплилась надежда, что на месте накормят и хоть как-то обустроят. Концом пути была поляна, окруженная

Фото 2. Семья репрессированных с внучкой

осинником. Их, участников первой высылки, впоследствии так и называли «подосиновиками», брошенными под осиной. Чтобы хоть как-то выжить, поселенцы стали строить шалаши из ветвей. В марте на севере они мало спасали от холода, потому старались спать на кострище, укрывшись еловыми лапами. Кстати, топоры кулакам давали под наблюдением, боялись народного бунта» [2].

Из личного дела Дмитрия Зайцева, спецпоселенца Кулайской спецкомендатуры: «Отец Дмитрия был батраком, умер в 1926 г., мать

Фото 3. Семья спецпоселенцев

не могла прокормить его. Дмитрия забрал в свою семью дядя, работавший кузнецом в одном из сел Павлоградского района. Дядю, Ивана Ивановича, судили «за присвоение советского имущества», раскулачили и отправили на спецпоселение за болота. Выслали всех, в том числе и сироту. В 1933 г. Дмитрий обратился с ходатайством о своем освобождении из ссылки, объясняя: мол, дядя взял его туда с собой несовершеннолетним. Зайцеву в освобождении отказывают...».

«Дядя Степана Цыганкова был выслан в Сибирь еще во времена Столыпина. Семья, жена и шестеро детей, поселились на заимке села Пустынное. Когда сыновья, а их в семье было трое, подросли и стали работать, в доме появился достаток, но на заимке стало жить опасно. Перебрались в Пустынное в пятистенок. К тому времени семья пополнилась до 18 человек. В германскую одного из братьев убили, а второй Никифор, будущий отец Степана, попал в плен. В Германии Никифор с одним из своих земляков тоже оказавшимся в плену работал на хозяина, научился выделывать кожи. Потом вдвоем бежали из плена, построили на берегу Иртыша землянку и открыли там «Кожевный завод». Вот за этот «завод» их и раскулачили. В ссылку отправили всех, в том числе и четверых детей. Степану тогда было около пяти лет. На Кулае стоял вой и плач. Так первая высылка встречала новые жертвы. Поначалу поселились в балагане из бересты, а когда построили бараки, перебрались туда. От верной смерти семейство Цыганковых спасло только то, что отца отправили в Тару с обозом, и он обменял в местном торгсине три имевшиеся при нём золотые монеты и серьги матери на продукты» [1].

Кулай – спецпоселение репрессированных в Тарском районе Омской области, трудовой посёлок, существовавший с 1928 года 18 лет (см. фото 3). Сейчас на Кулай возможно добраться только вертолётом

или по зимнику. В память о жертвах Кулая был установлен восьми-метровый поклонный крест. Кулай – значит «острый нож». Именно сюда в годы сталинского терро-ра с 1928 по 1946 гг. ссылали на спецпоселение тысячи раскулачен-ных крестьян, как из Омской обла-сти, так и со всей страны. Тогда путь по единственной дороге, свя-зывающей Кулай с Большой зем-лей, занимал больше двух месяцев (фото 4).

Фото 4. Дорога на Кулай – дорога смерти

Кулай – это не лагерь и не тюрьма, потому что здесь не было зековской колочки и вертухаев на вышке. Во время первой высылки, в середине марта 1930 г., здесь не было ничего: ни построек, ни дорог. Глухая тайга, окруженная непроходимыми болотами. Хочешь – беги. До ближайшего населенного пункта, хутора Калинин, десять верст. А только их не пройти – на единственной тропке, положенной в топи на так называемой Базе, поставили здание спецкомендатуры. Ее не минуешь.

Как сообщала ГТРК «Омск», на месте бывшего спецпоселения Ку-лай появится монашеский скит [3]. 40 минут от города Тары до Кулая занимает полет на МИ-8. Путь из райцен-тра пролегает через тайгу и непроходи-мые болота.

Фото 5. Поклонный крест

Кулай – значит «острый нож». Сбе-жать было нельзя, вязкая трясина вокруг охраняла лучше, чем колючая проволока. Старики, дети, взрослые умирали от голода, легочных болезней, кори, скарла-тины. Из первой партии переселенцев – 8890 человек – меньше чем через год в живых осталось только 1600. Вернуть-

ся отсюда удалось лишь единицам. Многие из ссыльных нашли свое последнее пристанище в Васисских болотах. Поселения больше нет, но погосты, где похоронены репрессированные, можно увидеть и сегодня. Еле заметные могильные холмики и полуразрушенные временем православные кресты являются свидетельствами той страшной траге-дии. В память жертв Кулая по инициативе губернатора Омской обла-сти Л. Полежаева в этих местах был установлен восьмиметровый по-клонный крест (см. фото 5). Крест увенчан терновым венцом, а в его

основании выбита надпись: «Дань потомков вере и памяти жертв Ку-
лая». Неоднократно здесь бывали паломники во главе с митрополитом
Омским и Тарским Феодосием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экспедиция на Кулай изучала в Таре судьбы репрессированных крестьян. URL: <http://www.regnum.ru/news/900774.html>.
2. Википедия. URL: <http://www.wikipedia.org>.
3. Русская православная церковь : официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru>.

«ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПОМНИТЬ»

*Ю. Н. Балантаева, учащаяся 9 класса «А»,
МКОУ «Крутинская гимназия».*

Руководитель: Л. П. Ковалевская, преподаватель истории

Восстановление справедливости по отношению к жертвам беззакония – наш политический и нравственный долг.

XX век богат яркими событиями и многие из них подчёркивают жестокое отношение, равнодушие, не справедливость. Проблема взаимоотношения людей и государства была актуальна всегда и в данное время она себя не исчерпала. Прошлое есть у всех. Оно связано бесконечным числом нитей с настоящим, живёт в нем; без его опыта невозможно ни личности, ни народа, поэтому каждый периодически вглядывается в пережитое, пытается охватить его мыслью и памятью. В нашей истории немало черных страниц, одна из которых – политические репрессии. В период охоты на «врагов народа» население страны значительно убавилось. Миллионы ни в чем не повинных людей были расстреляны, брошены в тюрьмы и лагеря, умерли голодной смертью во время переселения. Именно это и определило цель статьи: рассказать о сложном периоде нашего народа в годы сталинских репрессий, о судьбах людей ставших жертвами произвола на основе материалов из архива р.п. Крутинка; Крутинской центральной библиотеки и музея; воспоминаний членов семей, подвергшихся репрессиям.

Геноцид нации начался с коллективизации, в результате которой пострадали и сотни «крутинских» семей. По данным районного архива, в 1929-м в районе насчитывалось 418 кулацких хозяйств, а уже через год – всего лишь 6. За пределы района была выселена 281 семья,

71 – расселена внутри района. Если учесть, что каждая семья в среднем состояла из пяти человек, то, выходит, жернова коллективизации перемололи около двух тысяч наших земляков. Сегодня трудно сказать, кто из них выжил. В конце 1920-х гг. началась сплошная коллективизация. Она сопровождалась невиданным насилием. Людей выгоняли из домов, разбирали скот, утварь. Раскулаченных, ни в чём не повинных людей выселяли из родных мест, часто на гиблые, не подходящие для жилья земли [1; 2 и др.]. По воспоминаниям переживших коллективизацию, места, куда увозили людей, тогда в обиходе назывались «за болотом». Многие там и погибли. Те, кто сумел выжить, позже рассказывали, как мерзли, тонули в болотах. Как их привозили зимой на санях в совершенно безлюдные места и вместе с детьми и стариками выбрасывали на снег [3]. Ни домов, ни теплой одежды. Тот небольшой запас продуктов, что разрешали взять из дому, съедали ещё по дороге. Поэтому ели все, что хоть мало-мальски было съедобным: срезали с кочек мох, сушили и пекли из него подобие хлеба. Как известно, коллективизация – лишь начало массовых репрессий.

В 1941 г. вновь началось переселение народов по уже знакомому сценарию. Людей срывали с родных мест, порой ночью загоняли в товарные вагоны и везли на восток. Эта участь постигла почти всех немцев, живших в России. Так, в Сибирь, в Крутинский район попала семья Робертусов. Жили они в Поволжье. Как многие люди, не подозревая, что их судьба будет перечёркнута одним росчерком пера. Мужчин забрали в трудармию, а женщинам одним пришлось обживаться на новом месте. Хрупкая, молодая женщина Тамара Андреевна Робертус с двумя маленькими детьми на руках, имея на иждивении двух братьев и престарелую тетю, вместе с другими немецкими семьями попала в Китерму. Надвигалась зима, переселенцы стали рыть землянки. В таком жилище поселились и Робертусы. В нем не было спасения от крыс, и, уходя из дома, Тамара Андреевна наказывала маленькой дочке Эмме не вставать с постели, опасаясь, что грызуны могут наброситься на маленькую малышку. «Чтобы прокормить семью, мать, – рассказывала, спустя годы Эмма, – бралась за любую работу. И буквально валилась от усталости и голода. Всё, что удавалось ей раздобыть – немного молока либо картошки – отдавала детям.» Так и жили, голодные, полураздетые. Особенно трудно приходилось зимой. И только с наступлением тёплых дней голодающих выручала крапива, а потом летом в ход шли различные коренья, ягоды. В селе к поселенцам относились по-разному. Старушки жалели, ребятишек, подкармливали, кто стакан молока нальет, кто хлебушком угостит. Те же, кто безгранично верил в правоту вождей, смотрели искоса. Ребятишкам часто доставалось

от сверстников, они и не могли понять, за что их бьют. Жили люди в страхе и, чтобы не накликать новую беду, взрослые не смели разговаривать на родном языке даже дома. Поэтому дети со временем его забыли. Такая участь постигла не только немцев. В сорок первом же году в Крутинке появились и украинцы. Среди них семья Дробот. Жили они на Западной Украине. «Имели добротный дом с садом, различную живность на подворье, пахотные земли. Была и куча детей. Однажды среди ночи их разбудили военные, погрузили на телеги и повезли на станцию. С собой ничего взять не разрешили. Что успели на себя надеть, с тем и остались. На станции всех мужчин погрузили в один поезд, а женщин с детьми в другой. Через недели три добрались до конечного пункта – Называевска. Оттуда повезли в разные стороны. Четыре семьи попали в Крутинку. Привезли их и бросили на скотном дворе», – вспоминает Александра Савельевна Дробот. «Ни крыши над головой, ни одежды, ни еды. А у мамы кроме меня еще пятеро. К тому же она была на седьмом месяце беременности». Поселили семью в заброшенном доме с выбитыми стеклами, разваленными дверьми. Соорудили небольшую плиту, на ней и готовили по очереди. Когда уж начал пролетать снег, вставили стекла. Женщины поменяли на еду все, что могли. Одной пришлось снять даже последнюю юбку. Ей выдали со склада мешок и из него, она сшила себе одежду. Многочисленное семейство Дробот скиталось по квартирам. Старшие дочери работали, одна на производстве, а одиннадцатилетняя Саша жила в няньках у какого-то начальника. Прокормить большую семью было не просто. Дети голодали, поэтому часто болели. Первым хворь сразила семимесячного малыша, спустя несколько лет семья похоронила еще одного ребенка. А вскоре пришла еще одна трагическая весть. Вдали от своих родных, в Коми АССР погиб отец. Семье ещё пришлось немало пережить. Закончилась война, и эвакуированные стали возвращаться домой. Наши репрессированные тоже поехали. Но своей усадьбы, конечно, не нашли. Поселились в маленькой избушке и начали обустриваться. Государство им не простило самовольства и в 1949 г. троих старших детей вместе с матерью отправили в заключение, а младшие остались одни, без поддержки взрослых. Пока братья и сестры вместе с матерью находились в тюрьмах, они выживали как могли, скитались, просили милостыню, были в подпасах.. Собралась семья вместе лишь в пятидесятые. По сей день в Крутинке, живут три сестры Дробот [6]. Иногда, собравшись вместе, они вспоминают своё безрадостное детство, и к горлу подступает ком. За что им выпала такая судьба? Этот вопрос задают себе тысячи людей которым довелось пережить кошмар, имя которому – политические репрессии. Другие, дожившие до наших

дней, просят хотя бы рассказать об их тяжелой судьбе, в которой уже ничего не изменишь.

Одна из тех, чья жизнь оказалась искалеченной с самого рождения, Варвара Григорьевна Рыбакова, жительница Усть-Логатки. Родилась она в деревне Челдак, Шипуновского сельского Совета, а вскоре после ее рождения семья родителей была раскулачена. Отца забрали, а мать, не выдержав горя, умерла. В соседней деревне жила сестра отца Дарья Степановна, у которой был свой грудной ребенок, она и взяла к себе и вскормила грудью совсем маленькую племянницу Варю. В деревне Сладкое прошли детство и юность осиротевшей девочки, там она позже и замуж вышла. А осенью 1944 г. судьба как бы напомнила ей о том, почему она осталась без родителей [4]. Вот как об этом вспоминает Варвара Григорьевна: «Работала я тогда на току, вдвоем вручную веялку крутили. Однажды в ночную смену к току подъехала машина, из которой вышли два милиционера и с ними один из местных мужиков. Забрали нас, двух веяльщиц, и привезли в Шипуново. Там, в конторе уже были арестованы председатель колхоза, бригадир, кладовщик и возчик зерна». Варвара Григорьевна всех их помнит пофамильно. Там же, в Шипуново, был устроен и суд над ними. Обвинение заключалось в том, что председатель со своими помощниками решили с первого намолота ржи выдать зерна на трудодни людям, которые отказывались работать, дома голодали их семьи». Приговор же был таков: председателю – расстрел, кладовщику, бригадиру и веяльщицам – по 10 лет лишения свободы, возчикам зерна – по 5 лет. Интересно, что сама Варвара Григорьевна, как и ее напарница, даже не слышали о том, что колхозникам выдавали зерно, из чего и следовало, что просто нужны были виноватые, на которых кто-то бы указал пальцем. Между тем приговоренный к расстрелу председатель колхоза был инвалидом войны, на которой он потерял руку, кладовщик также на войне остался без ноги, а что уж тут говорить просто о женщинах, так и не понявших, в чем они виноваты...

В омскую тюрьму шипуновских «врагов народа», по словам рассказчицы, везли поодиночке, в так называемых деревянных мешках, в которых можно было расположиться только стоя. Нельзя было даже руки поднять. Так продержали их сутки, а затем развели по камерам. Председателя определили в одиночку за железную дверь. Во время прогулок ему можно было стукнуть и спросить, как ты там. На это он отвечал, что ждет ежечасно, что за ним вот-вот придут. Но ему повезло, после долгих просьб родителей расстрел был заменен десятью годами лишения свободы и пятью годами лишения права голоса. Ну, а сама Варвара Григорьевна после нескольких лет тюрьмы угодила в катего-

рию, так называемых неопасных для общества осужденных и была переведена в лагеря на север страны. За добросовестную работу и, видимо, с учетом суровых условий ей неоднократно сокращали срок, засчитывая досрочно назначенные судом годы тюрьмы. Но, как бы ни было, тяжёлую кирку и тачку она сменила на знакомый ей с детства труд в животноводстве только в 1952 г., в Усть-Логатке. Вступила в колхоз и до сих пор благодарна его председателю, тогда им был Александр Фомич Федоренко. Те условия послевоенных лет она поневоле сравнивает с нынешними, ведь коллективу приходилось также, как и сейчас, зарабатывать на жизнь самостоятельно. Помнит она, как среди зимы заготавливали камыш и вязали из него плиты, которые шли даже на строительство жилья. Спрос на них был повсеместный, особенно в степных районах. В последние годы своей тяжелой трудовой биографии Варвара Григорьевна работала на ферме дояркой, потом вышла на пенсию. И тут еще один удар судьбы. Трагически погибают оба ее сына, и многострадальная мать остается одна в ветхой малюсенькой избенке. До сих пор у неё осталась обида на Сталина, но и на кое-кого из местных, кто указывал пальцем и доносили.

«За что же нам, русским людям, кара такая», – задаёт этот вопрос моя односельчанка А. Лакшинская. Под старость лет она осталась одна. О своей нелёгкой жизни, о горькой судьбе – вспоминает она. «Всё началось с того, что нашу семью репрессировали. Я в то время была младенцем. Это уже мама рассказывала, как однажды в наш дом ворвались двое вооруженных людей, отца забрали и увезли в неизвестность. Осталось нас у мамы четверо. Вот тут-то и хлебнули горяшка через край. Всё хозяйство у нас забрали (две лошади, три коровы), дом тоже «обобществили». Сначала мы переселились к какой-то старушке, а потом нас повезли «на болото». Жили мы тогда в Аббатском районе. Доехали до Крутинки, мама зашла в какой-то большой дом. Меня в пеленках несёт, а трое ещё за пальтишко цепляются. Положила меня на стол и говорит: мол, если вы нас всего лишаете, то забирайте и воспитывайте. Не успела за порог ступить, бежит начальник и кричит: забирай, тетка, ребёнка и поезжай домой. Так вот благодаря мне и не отвезли нас «за болото». Её мама вышла замуж за вдовца с тремя детьми. Вместе со свободными братьями и сестрами, отчимом и маминой матерью стало их десять. Когда мать с отчимом умерли, взрослая жизнь тоже не была для неё безоблачной. Двоих мужей похоронила, детей Бог не дал. Братьев и сестёр по свету раскидало, и осталась она одна. Нет, она не ропщет на судьбу. Но, признаётся, что до сих пор не знает ответа на вопрос «За что?» [5].

Не только эти семьи, но и многие другие постигли сталинские репрессии. Народ был реабилитирован, но какой ценой люди дождались

правды, сколько сил им потребовалось для этого момента, когда их права полностью были восстановлены. Мы должны отдать дань признательности, пострадавшим от политических репрессий, скорбим вместе с теми, чья жизнь и судьба были искалечены произволом и беззаконием. Наш долг – сохранить в поколениях память о безвинно погибших и пострадавших и должны содействовать возвращению добро-го имени в глазах родных и близких, потомков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самосудов В. М. Большой террор в Омском Прииртышье». 1937–1939 гг. Омск : Омское кн. изд-во, 1998.
2. Шангин М. Террор против совести. Омск : Омское кн. изд-во, 1994.
3. Как вели раскулаченных? // Сельская трибуна. 1998. № 85 (30 октября).
4. Доля ты русская, долушка женская... // Сельская трибуна. 1998. № 18 (8242) (6 марта).
5. Скажите, за что? // Сельская трибуна. 1999. № 6 (22 января).
6. Воспоминания членов семьи Дробот: Ховановой Ольги Савельевны и Дробот Лидии Александровны.

ИЗ ИСТОРИИ ИТК № 8

*Е. Г. Кащеева, учитель истории и обществознания,
руководитель школьного краеведческого музея,
«Речная СОШ»*

1930-е гг. стали едва ли не самой кровавой страницей в отечественной истории. Отправлялись в лагеря и на смерть многие советские люди. Жертвами репрессий становились кулаки, середняки, интеллигенция, военные, священники. Омский краевед Ференц Надь в своей статье «Империя страха» написал, что подразделения ГУЛАГа делились на 10 зон [4]. Зоны размещения подразделений ГУЛАГа: 1 – Северо-Запад европейской части; 2 – Средняя полоса европейской части; 3 – Юг европейской части, Украина; 4 – Урал; 5 – Казахстан и Средняя Азия; 6 – Западная Сибирь; 7 – Восточная Сибирь; 8 – Якутия; 9 – Южная часть Дальнего Востока; 10 – Дальстрой (Колыма, Чукотка, Якутия) [1, с. 15]. Одна из них – Западная Сибирь. Всего в Западной Сибири был 51 центр ГУЛАГа. В этот перечень входил и Омск. Подразделение ГУЛАГа в Омске называли «Камышлаг», история которого изучена слабо. На территории современного п. Речной располагался один из сталинских лагерей – ИТК № 8. Управление исправительно-трудовых колоний было организовано в 1934 г. [1, с. 27].

За продуктами строгий контроль. Часто кормили бурдой из овсюга, поражающей желудочно-кишечный тракт.

В ИТК № 8 содержались в основном люди за мелкие хищения, а также политические заключенные. Среди них были артисты, писатели, преподаватели, священники, а также учителя, колхозники, старые и молодые. Сидели за политические анекдоты, за восхваление немецкой техники, за распитие спиртных напитков на рабочем месте, за карман пшеницы. Политические содержались вместе с уголовниками. Трудно было выжить в этих условиях. Колония была смешанная, здесь содержались и мужчины, и женщины, правда порознь. Свозили сюда заключенных на баржах, подводах, паромах [2]. Известны судьбы некоторых заключенных: Л. А. Ньюхалов (см. фото) – ученик 8 класса города Тара. Осужден по ст. 58 за расклеивание антисоветских листовок 1 мая 1942 г. Отбывал наказание в ИТК № 8. Листовки имели следующее содержание: «Да здравствует 1 мая, Товарищи! Наши родные и знакомые проливают кровь на фронтах, а в тылу народ мрет от голода! Подумайте, к чему это всё приведет!»...

Распутина Нина Николаевна (см. фото) – рабочая зернотока в деревне Беловка Молотовского (Калачинского) района Омской области.

С 1947 г. отбывала наказание в ИТК № 8 за кражу нескольких горстей пшеницы с зернотока. В кармане сделала дыру, чтобы зерно проваливалось в полу пальто и не нашли краденое. Её выдала сестра – родственница – из-за женских разногласий, хотела отомстить. В колонии очень тяжело работала при кухне. По её рассказам, хоронили в колонии людей ежедневно. Много сидело латышей, которые умирали часто от холода, от жутких сибирских морозов. Оправдана...

Зарчук Юзеф Теодор, 1916 г. р. (см. фото) был обычным мастеровым поляком. Очень любил технику, мастерил различные механизмы, сам изготавливал сверлильные и токарные станки, прекрасно знал кузнечное дело. При этом слыл весьма бесшабашным парнем: мог крепко выпить и повеселиться. Но в нужный момент всегда останавливался, был очень открытым и дружелюбным чело-

веком. В самом начале Второй мировой войны фашисты арестовали его, заподозрив в противодействии гитлеровскому режиму и поместили в расположенный недалеко от Люблина концентрационный лагерь Майданек. После пребывания в этом страшном лагере смерти его вывезли в Германию. Там он работал на рудниках. Юзеф уцелел, а в 1944 г. вернулся на родину, где вскоре женился. Сразу после приезда он, как и многие польские патриоты, вступил в Армию Крайову, где служил оружейным мастером и кузнецом. В 1944 г., через месяц после женитьбы, его арестовали советские органы НКВД: пребывание в Армии Крайовой расценивалось советской властью как преступление. Первое время он находился в предварительном заключении в Жуковске (Люблинское воеводство Польши) и Бресте. На одном из допросов следователь НКВД спросил Юзефа о его самой сокровенной мечте. Как рассказал потом отец своим детям, он ответил, что желает «скорейшего изгнания из Польши советских войск, чтобы освободить Родину от оккупантов». Этот ответ и определил его дальнейшую судьбу на многие годы. Молодой поляк очутился в печально известном лагере № 270 в г. Боровичи Новгородской области, где и пробыл два года. Затем этапирован в Свердловск. Из уральского лагеря его путь пролегал в омскую исправительную колонию № 8. Вот как рассказывал пану Анджею его отец: «Из Омска, с железнодорожного вокзала, нас пригнали на речную пристань и на баржах повезли вверх по Иртышу. Проплыли мы примерно 40 километров, увидели бараки, где предстояло жить или умереть. Бараки оказались в одну доску, с большими щелями. Даже летом было в них холодно. А что говорить о сибирских 45-градусных морозах?! Ответ был виден сразу – рядом находились два огромных кладбища заключенных. Мне повезло, спасло ремесло. Сумел устроиться работать и при электростанции, и при кузне, и при гончарной мастерской. Там было теплее, и подкармливали тех, кого ценили и от кого была ощутимая польза для лагерного начальства». Судя по всему, и в Ачаире Юзеф Зарчук сумел показать свободолюбивый и непокорный характер. Как итог – новый лагерь, страшный сибирский «Ангарлаг». Там Юзеф валил лес и строил железную дорогу «Тайшет-Братск». Каждый день видел умирающих друзей, побои конвоиров, голодные глаза заключенных. И уже не верил, что когда-либо снова увидит свою польскую родину и свою молодую жену. Новые горизонты забрезжили перед ним только после смерти Сталина. Пана Юзефа вернули в Омск, определили на работу слесарем авторемонтных мастерских на омскую железную дорогу и разрешили «жить вольно», регулярно при этом отмечаясь в спецкомендатуре. Воспользовавшись удобным моментом и получив в начале 1957 г. очередной отпуск

в мастерских, он купил билет и решил тайно уехать в Польшу. Теодор умер в 1995 г. в возрасте 79 лет...

Летом 2010 г. дети пана Юзефа (см. фото) приехали в Омск и посетили Ачаир. В музее п. Речной гости с печалью смотрели на глиняные фигурки, сделанные руками узников колонии. Возможно, что эти фигурки (см. фото ниже) когда-то были согреты руками их отца. Ведь он рассказывал им, что именно такие фигурки делал в гончарной мастерской колонии. Большие надежды они связывали с запросами, которые были направлены в архивы УФСБ и УВД Омской области. «По заключению прокуратуры Новгородской области от 6 июля 1989 г. Зарчук Ю. Т. реабилитирован». Но никто из Зарчуков с этим решением не был ознакомлен. Вот и получается, что если бы не наши обращения, то дети пана Юзефа так и не узнали, что их отец уже 22 года, как реабилитирован. Реабилитирован еще при своей жизни!

Дети Ю. Зарчука в школьном музее, п.Речной. 2010 год

Предметы, найденные на территории бывшей ИТК №8. Глиняные фигурки, изготовленные в гончарном цехе (хранятся в школьном краеведческом музее)

...С высоты птичьего полёта колония (рис. 1) напоминала прямоугольник с четырьмя вышками по углам, обнесённый высоким деревянным забором, рядами колючей проволоки и пахотой. С вышек наблюдала охрана. Колония хорошо охранялась. За время её существования было только один удачный побег. Заключённые содержались в 10 бараках. Одновременно содержалось от 800 до 1000 человек. Бараки и другие объекты: парикмахерская, баня, клуб, контора, большая больница, находились на территории современной Речной участковой больницы. Колонистами была сделана защитная посадка вдоль Черлакского тракта до с. Ачаир. Сохранились дома, где жила заведующая Речной участ-

ковой больницей, а когда стали строить жилые дома, то убирали фундаменты бывших объектов колонии, охраны. Объекты колонии в основном не сохранились, так как было всё деревянное.

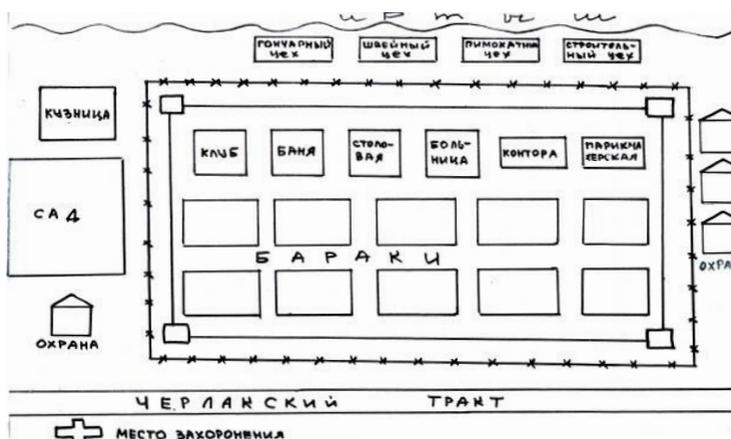

Рис. 1. План-схема ИТК № 8

В 1980-е гг. колония имела преимущественно сельскохозяйственный профиль. Сеяли пшеницу. Был большой огород. Овощи были свои, выращивали сами колонисты. Выращивали картофель, капусту, морковь, арбузы, помидоры. Было своё хозяйство: выращивали коров, лошадей, свиней, индюков, гусей (птицеферма находилась у озера Круглое). Колонистами был посажен большой сад, частично сохранившийся и сейчас. В саду росли яблони, малина. Всё это продавалось через ларёк. Сохранившаяся часть сада сейчас находится на территории Ачаирского Крестового монастыря. В посёлке сад назван Колонским. Промышленная зона тянулась вдоль Иртыша. Сюда выводили колонистов под конвоем.

Больница в ИТК № 8

По рассказам очевидцев, мы определили место гончарного цеха, где изготавливались глиняные игрушки, посуда, кирпичи и др. Жители п. Речной и учащиеся нашей школы до сих пор находят и хранят в школьном музее фигурки из обожженной глины, изготовлявшиеся на продажу, и другие предметы, найденные на территории колонии. В колонии были также швейный цех, где шили рабочую одежду, которую развозили или продавали в другие колонии. Была своя кузница, строительный цех, где делали диваны, кресла, плели корзины и даже шля-

пы. Рабочий день продолжался с утра и до 17 часов вечера. В воскресенье – выходной. Тем, кто работал лучше, перевыполнял план, давали лучшее питание. В колонии было всего 2 машины. Для работы в основном использовали лошадей. Начальниками колонии были в разное время: Ткачук, Усольцев, Милёшкин, Демидов, расформировывал колонию Сасов.

За время функционирования колонии были устроены два кладбища, где хоронили заключённых. Одно из них находилось сразу за остановкой по пути в город, а другое – возле зверофермы на улице Школьной нашего посёлка. По времени их возникновения первое из них можно отнести к довоенному времени, а второе – к послевоенному периоду. Ранний погост временем и людьми уже стёрт с лица земли. Второе кладбище представляло собой параллельные ряды неглубоких траншей, куда сваливали умерших с деревянными бирками на руках и ногах. Ежедневно хоронили в среднем по 7 человек. Позже стали хоронить в гробах. На месте захоронения с 1991 г. стоял деревянный крест. Место было освящено митрополитом Омским и Тарским Феодосием. Планировалось на этом месте поставить часовню.

...Учащиеся школы п. Речной осенью 2010 г. выступили с инициативой об обустройстве места массового захоронения ИТК № 8 и обновлении памятного знака на месте захоронения, а также придании месту захоронения статуса охраняемого объекта исторического наследия. Для её осуществления был разработан социальный проект «Пусть в сердце каждом отзовётся», который участвовал во Всероссийской акции «Я – гражданин России» и занял 1-е место на муниципальном и региональном этапах конкурса социальных проектов. На собранные детьми пожертвования был поставлен памятник на месте захоронения. Высажена Аллея Памяти. В процессе осуществления проекта члены краеведческого кружка организовали школьную краеведческую конференцию, посвященную истории ИТК № 8, а часть материалов о колонии включили в Путеводитель по п. Речной. Ведется дальнейшая переписка с граж-

На месте кладбища. 2007 г.

Представители
НИЦ «Мемориал»*
на месте кладбища. 2010 г.

* Фотографии всех экспонатов школьного краеведческого музея, связанных с ИТК № 8, и копии всех хранящихся воспоминаний очевидцев, другие свидетельства о сталинской колонии переданы в НИЦ «Мемориал» для участия во Всероссийском проекте «Виртуальный музей ГУЛАГа»

данами Польши, детьми Т. Зарчука, отбывавшего наказание в ИТК № 8. Организован просмотр фильма об ИТК № 8 «Сибирская Голгофа», созданный ГТРК «Омск» совместно с краеведческим музеем Речной школы.

Команда социального проекта

Проведен социологический опрос, который показал, что жители поселка поддерживают инициативу учащихся школы и готовы оказать посильную помощь в проведении мероприятий по обустройству памятного места...

ЛИТЕРАТУРА

1. Забвению не подлежит. Омск. Т. 1.
2. Лосунов А. М. Предтечи Ачаирского крестового монастыря // Омские Епархиальные ведомости.
3. Максимовская Т. Русь светлая, храни веру православную // Отечество. 1999. № 5.
4. Надь Ф. Империя страха // Омский вестник. 1991. № 41.

СЕЛО ИЗУМРУДНОЕ: МУЧЕНИКИ РЕЖИМА

*А. Бодак, учащаяся 9 класса; Е. Бодак, учащаяся 6 класса.
МКОУ «Изумруднинская СОШ».
Руководитель: О. А. Сахариленко*

«Новомученики XX века» – благодаря Вашей стойкости сохранилась до наших дней культурная и религиозная традиция. Многие из Вас не прославлены, о многих из Вас даже никто и не догадывается, но память еще не утеряна. Среди нас живут еще дети, внуки тех, чьи судьбы были искалечены временем. История не раз доказывала и доказывает, что политические режимы, основанные на страхе и насилии, неизбежно рушатся. В связи с этим возникают вопросы, на которые, мы думаем, не так просто дать ответ. У нас в стране было много незаконно осужденных по надуманным, сомнительным обвинениям, сфабрикованным доказательствам. Много и наших сограждан было похоронено под обломками очередного авторитарного режима. Что нужно сделать для того, чтобы этого больше не могло повториться? Ведь на памяти поколения наших дедов и отцов тысячи жертв политических

репрессий, реабилитированных судом, но в подавляющем большинстве – посмертно. Едва ли ответ на этот вопрос найдется в учебниках. Это вопрос, на который каждый из нас должен ответить себе сам, поскольку от этого будет зависеть, в какой стране будем жить мы, наши дети и внуки. Мы хотим жить в свободной стране и не бояться за свое будущее.

Множество испытаний выпало на долю нашего многострадального народа: раскулачивание крестьян, коллективизация, репрессии, депортация народов. Уничтожение «классовых врагов», борьба с национализмом и «великодержавным шовинизмом» сформировалась ещё в годы гражданской войны. Попасты в списки кулаков мог любой крестьянин, а это значило, что семьи подлежали высылке в отдалённые северные районы СССР (Сибирь, Урал, Северный край, Казахстан). Частично немцы были отозваны из действующей армии. В 1942 г. началась мобилизация советских немцев в возрасте от 17 лет в рабочие колонны. Мобилизованные немцы строили заводы, работали на лесозаготовках и в рудниках. На основании решения Военного совета Ленинградского фронта от 20 марта 1942 г. из прифронтовой зоны в марте–апреле 1942 г. было депортировано около 40 тысяч немцев и финнов. В 1948 г. был принят указ, запрещавший немцам, а также другим депортированным народам (калмыкам, ингушам, чеченцам, финнам и т. д.) покидать районы депортации и возвращаться на родину. Те, кто нарушал этот указ, приговаривались к лагерным работам на 20 лет.

14 ноября 1989 г. Декларацией Верховного Совета СССР были реабилитированы все репрессированные народы, в том числе чеченский и ингушский, признаны незаконными и преступными репрессивные акты против них на государственном уровне в виде политики клеветы, геноцида, насильственного переселения, упразднения национально-государственных образований, установления режима террора и насилия в местах спецпоселений. Но сколько же невинных жизней унесли репрессии.

Бабушка Кати и Насти Бодак Вера Корнеевна родом из Ровенской области Украинской ССР. На Украине первый удар был нанесен по украинским писателям, деятелям культуры. Еще очень многие украинцы были арестованы по различным ложным обвинениям. Были сфабрикованы фантастические тайные организации: Террористический Социалистический центр, Блок украинских националистических партий, Террористический блок троцкистов-националистов, и другие – фашистские организации Украины. В декабре 1934 г., в связи с убийством Сергея Кирова, были осуждены на смертную казнь по ложному

обвинению в принадлежности к белогвардейской организации деятели украинской культуры: Григорий Косинка, Кость Буревий, Дмитрий Фальковский, Олекса Влизько, Иван Крушельницкий и многие другие. Однако пик репрессий пришелся на 1937–1938 гг. Арестовывали по любому ложному обвинению, пытками из арестованных выдавливали показания на других людей. Многие из них были расстреляны, другие получили различные сроки заключения в концлагерях Сибири и севера, где также многие погибли.

С началом войны начали арестовывать солдат побывавших в плену, участников украинского сопротивления на Западной Украине. Арестовывали буквально всех: инженеров, рабочих, крестьян, учителей, советских работников, врачей; детей, родственников ранее арестованных и даже иногда самих руководителей и офицеров НКВД.

Фото 1. Семья Лещук (отец и мать)

Сколько было арестовано, погибло в сталинских застенках, лагерях и пересылках – неизвестно. Примерно число репрессированных на Украине можно назвать – это около 4–6 миллионов человек (не считая погибших в результате голодомора). В газете «Свобода слова» от 14 апреля 2006 г. дана справка о количестве депортированных семей

на 1 января 1945 г. В точности из Ровенской области – 1154 семьи, 3215 человек [1]. В это же время, в Ровенской области, Рокитновском районе в Томашгороде в семье Лещука Корнея Селеверстовича и Василисы Григорьевны (фото 1) росли три ребенка.

Старшая Оля, сын Степан и младшая дочь – Вера. Время было тяжелое: выживали, как могли. Отец плотничал, мама по хозяйству с детьми. В один октябрьский день Василиса Григорьевна с Олей пошли собирать клюкву. Младшие дети с отцом были дома. Подошла машина, чужие люди приказали загружаться. Корней Селеверстович смог взять с собой перину и подушку. Загрузили в тот день много семей в машину, повезли на товарную станцию. Там загрузили в холодный товарный вагон с одной печкой и повезли в сторону Сибири. Дорога была известна – г. Омск. Убитой горем матери сказали об этом. Они со старшей дочерью не избежали злой участи, их тоже депортировали в Омск, но встретились они нескоро. Дорога была длинной. Было голодно, холодно. Многие умерли. Сопровождающие даже снега не разрешали набрать на станции, чтобы напоить талой водой де-

тей. Каким-то чудом отец довез детей в Омск. Поездка длилась с 17 октября по конец января. По приезду всех осмотрели в санчасти, измерили, взвесили. Поселили в холодный барак. Отца определили работать на завод имени Баранова кочегаром, детей в детский сад. Жить было тяжело, однажды отец пришел домой с плохой новостью – его дочь Вера хотела взять на удочерение более благополучная семья из военных. Были слезы и переживания, но на домашнем совете решили: хоть бедно, плохо, но жить всем вместе. Дети росли, отец работал. Приехали старшая дочь и мама. Семья восстановилась. Наконец-то дали маленькую комнату в «хрущевских» домах. Отец с сыном пошли работать в строители. Старший плотником, младший каменщиком. Вера хорошо училась в школе, была принята в октябрята, затем в пионеры. Мама не разрешала носить пионерский галстук. Но Вера была верна данной клятве перед лицом своих товарищей и даже вела работу старосты в классе. Перешла в старшие классы – была принята в комсомол. Окончила школу и, как все молодые люди того времени (1958 год – время поднятия Целины), попросила комсомольскую путевку. По ней и приехала работать в Нововаршавский район. Работала в сельском хозяйстве, в животноводческой ферме, доила коров. По итогам отличной работы имеет удостоверение «Ветеран труда» (фото 2).

Фото 2. Удостоверение «Ветеран труда»
В. К. Бодак (Лещук)

Фото 3.
Документы В. К. Бодак

Здесь и встретила свою судьбу – молодого тракториста Володю. В семейной жизни были и радости и трудности, но, не смотря на всё, были рождены и воспитаны шестеро детей. Муж, Бодак Владимир Иванович, не дожил до старости, умер. Вера Корнеевна и поныне живет в селе Изумрудное, помогает в воспитании внуков. Историю своей жизни рассказывает неохотно – боль воспоминаний до сих пор ещё тяжела. В 2001 г. на запрос в архив Ровенской области пришел ответ о том, что Лещук Вера Корнеевна реабилитирована (Вера Корнеевна разрешила сделать копии со своих документов, за что мы ей признательны).

Вера в Бога, близких, семью помогла все пережить. Здоровье сейчас сильно подводит – даёт о себе знать тяжелое детство. Вера Корнеевна ездит на службу в районную церковь – благодарит Бога, за то, что смогла пережить горе и лишения, что не «сломалась» в тяжелое время...

ЛИТЕРАТУРА

1. Сталинские репрессии // Википедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Сталинские_репрессии.

ОТГОЛОСКИ РЕПРЕССИЙ: ИЗ ИСТОРИИ ПОСЕЛКА НОВОУРАЛЬСКИЙ

*Ж. В. Самсонова, учащаяся 10 класса,
МОУ «Новоуральская СОШ»*

Руководитель: М. Н. Сидоренко, учитель истории и обществознания

*Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы
Страдания выводят на щеках.*

Анна Ахматова, «Реквием»

Патриотическое воспитание подрастающего поколения является одной из важных задач, стоящих перед школой, ведь здесь закладываются основы гражданской позиции человека. В школе изучается история России, древнего мира, всемирная история. К сожалению, вопросы краеведения, история малой родины в этих курсах практически не затрагиваются. Изучая историю родного села по материалам школьного музея, мы натолкнулись на интересную закономерность, согласно которой численность населения поселка резко увеличивалась в 1947 и 1949 гг. Мы решили выяснять причину этих изменений и убедиться в том, что это одна из самых трагических страниц в истории нашего села и всего советского народа.

В нашей стране тяжелым наследием прошлого явились массовые репрессии, произвол и беззаконие, которые совершались руководством от имени революции, партии и народа. Исторический приговор прошлому за преступления тотального государства против своего народа вынесен. Но жертвы политического террора вызывают к нашей памяти.

*Хроника политических репрессий в 1920–1950-е годы
на территории поселка Новоуральский*

Известно, что политические репрессии начались вскоре после Октябрьской революции. Наши земляки подверглись им, согласно архивным документам, с 1930 г. [1]. Но ведь история пос. Новоуральский начинается с 17 марта 1929 г.

1930 год.

Апрель – Особой тройкой при полномочном представительстве ОГПУ по Сибкраю к 10 годам лишения свободы в концлагере были приговорены братья Пасько Иван Никандрович и Григорий Никандрович.

1933 год.

Июль – к 5 годам лишения свободы за контрреволюционную агитацию был приговорён слесарь Х. Е. Лободюк.

1935 год.

Под подписку о невыезде был освобождён партработник Н. П. Савельев.

1937 год.

Сентябрь – к 8 годам лишения свободы был приговорён Архип Григорьевич Дорошенко, а его сын, осуждённый на 10 лет, умер в колонии, едва отбыв полсрока. Были расстреляны С. Я. Лысак из Тихорецка и зам. паровой мельницей Ф. Д. Нус. К 8 годам ИТЛ приговорён молотобоец А. Е. Чернорай.

4 сентября – приговорены к высшей мере наказания зам. сапожной мастерской Р. П. Каюки, рабочие братья Макар и Гавриил Матвеевичи Темники.

Ноябрь – к 10 годам приговорены братья Дудко Григорий Андреевич и Пётр Андреевич, а также Киян С. И.

Декабрь – арестован прямо на работе и доставлен в Омскую тюрьму агроном Михаил Иванович Озолин. Талантливый специалист-теоретик, автор ряда статей по проблемам советского сельского хозяйства, содержащие новые, передовые идеи, обвинялся «... в активном участии в латышской вражеской организации, одними из руководителей которой являлась его жена Наталья Кришьяновна и сын Ян Михайлович, проживающие в Омске». Через два месяца они в числе многих латышей были расстреляны. Одновременно к 10 годам были приговорены комбайнёры Г. В. Проскурня и И. С. Векленко.

1938 год.

Ноябрь – как «финский шпион» был расстрелян кочегар А. О. Пулканен.

1939 год.

Было прекращены дело директора Новоуральской школы, члена партии Ф. Ф. Курилкина, находившийся под следствием около двух лет. Также прекращено дело рабочего итальянца Д. В. Кристели находившегося под следствием почти 2 года и финки Г. А. Хейкинен-Яппинен.

1940 год.

Июль – к 7 годам лишения свободы приговорён А. И. Хруль.

1942 год.

Май – к высшей мере наказания был приговорён красноармеец Абдакарим Казакинов.

Июнь – на 10 лет лишён свободы Садык Мазетов.

1943 год.

Без ссылки на закон в марте на пять лет была выслана в отдалённый район области, как член семьи изменников Родины учительница немецкого языка Новоуральской средней школы Мария Александровна Рамих, осуждённая Особым совещанием при НКВД СССР. Дело модельщика В. П. Тереновского прекращается в связи со смертью.

1945 год.

К 10 годам приговорён рабочий И. И. Шевелёв.

В разное время детьми репрессированных стали: Григорьева (Дорошенко) Нина Ивановна, 1936 г.р.; Масловская Вера Александровна, 1923 г.р.; Светлая (Гладких) Раиса Петровна, 1933 г.р.; Сяпина (Головина) Ольга Богдановна, 1951 г.р.

Наши исследования показали, что на 1 сентября 2011 г. на территории Новоуральского сельского поселения проживает 75 человек репрессированных и пострадавших от репрессий. Анализ данных показал, что спецпереселенцев депортированных в 1950-х гг. с территории Западной Украины – 14 чел., Поволжья – 55 чел., с территории Прибалтики – 3 чел., а также пострадавших от политических репрессий – 3 человека.

Немцы Поволжья: Лазорская Ольга Робертовна; Ваймер Николай Давыдович; Копытько Мария Александровна; Братишко Эмма Александровна; Гиндер Давид Давидович; Гиндер Владимир Давыдович; Рагель Мария Васильевна; Швейцер Александр Николаевич; Гинтер Нина Андреевна; Рагель Лидия Тимофеевна; Фриккель Виктор Оттомарович; Шалупа Ирма Владимировна; Тетерелева Наталья Александровна; Сатлер Давыд Александрович; Стребайло Мария Яковлевна; Сычева Эльвира Александровна; Зауэр Галина Андреевна; Масловская Наталья Александровна; Анищенко Мария Гейнриховна; Шнайдер Анна Прокоповна; Беккер Лев Федорович; Блюменштейн Екатери-

на Мартыновна; Видеман Анна Александровна; Даниель Роберт Александрович; Камерцель Карл Карлович; Миллер Иван Николаевич; Приходченко Роза Яковлевна; Шеленберг Эрнст Гергардович; Ваймер Волдемар Готфридович; Гренц Катерина Пеньяменова; Зиннер Мина Бениаминовна; Исаева Лидия Фридриховна; Калинин Лидия Яковлевна; Калинин Александр Готфридович; Келлер Владимир Яковлевич; Краус Александр Пенгаменович; Миллер Павел Богданович; Миллер Амалия Рудольфовна; Неволя Ирма Александровна; Некрасова Анна Пендеменовна; Никифорова Эльвира Готлибовна; Лушпай Раиса Константиновна; Лебединская Тамара Александровна; Баранова Ида Кондратьевна; Грин Александр Александрович; Гопп Владимир Федорович; Лебединская Лидия Александровна; Гричкань Валентина Александровна; Буравченко Отилия Андреевна; Кормилец Лидия Васильевна; Калло Валерий Райнгольдович; Ткач Владимир Федорович, Махновская Ольга Константиновна; Ряполова Ольга Владимировна; Жилина Вера Викторовна.

На территории Новоуральского сельского поселения в данный момент проживают 55 человек – выходцев с автономной республики немцев Поволжья. По воспоминаниям очевидцев, их вначале поселили в трудовых лагерях на территории Коми АССР, Сибири, Урала и Казахстана. Блюменштейн Е. М. (фото 1) рассказывала: «Содержание в этих местах было похоже на содержание заключенных. Вся территория обнесена колючей проволокой: нельзя было покидать территорию лагеря под угрозой смерти». Мужчины и женщины работали в трудовармиях на поддержание военной промышленности. На работу и с работы водили под конвоем, как уголовников. Выполняли самую тяжелую работу и были бесплатной рабочей силой. Из-за непосильного труда, плохого питания и отсутствия медицинского обслуживания многие умирали. Жили они в холодных деревянных бараках. На весь барак была одна печь, у которой грелись по очереди.

Фото 1.
Блюменштейн Е. М.
(Краус) (1981 г)

Из воспоминаний Кульман М. А.: «Спали на нарах, укрывались чем придётся». Даже в таких тяжелых условиях образовывались семьи. После войны им разрешили жить в этих же бараках, углы разделялись занавесками или фанерой. Зарплаты выдавали пайками из определенного набора продуктов по количеству членов семьи. Думали они, что будут жить здесь пожизненно. После смерти Сталина трудовармейцам разрешили выехать к родственникам.

Фото 2. Р. Я. Приходченко (Даниель)
Справка о реабилитации Приходченко Р.Я.(Даниель)

Из воспоминаний Приходченко Р. Я. (фото 2): «Наша семья, в сопровождении конвоира, была доставлена в город Кемерово, где отбывала ссылку папина старшая сестра Амалия. Она работала на угольных шахтах. Поселенцев ставили на учет в комендатуре, куда мои родители ходили отмечаться ежемесячно. Здесь родились брат Александр и сестра Ольга».

Неравноправное положение советских немцев закончилось только в 1956 г. Они получили паспорта и право свободного передвижения по стране, кроме права возвращения, на место прежнего проживания, продолжая отмечаться в комендатуре вплоть до 1957 г. после того, как они покинули прежние места проживания и переехали на новые места. Думали, что трудности их закончились, но это было не так. Отношения местных жителей было разное: кто-то помогал им, а кто-то наоборот относился к ним негативно.

Переселенцы с Западной Украины: Сидоренко Анна Ивановна; Стецко Ярослав Иванович; Галавина Стефания Теодоровна; Постовая Зинаида Васильевна; Цыбенко Анна Николаевна; Батрак Екатерина Ивановна; Ракитина Степанида Игнатьевна; Крапивницкий Николай Иванович; Долженко Петр Алексеевич; Митрюшкина Мария Прохоровна; Дронова Нина Сергеевна; Лехнова Катерина Сафатовна; Морозова Мария Сафатовна; Ковалева Стефания Теодоровна... Все эти люди прибыли на территорию Новоуральского сельского поселения в 1947 г. По неизвестным причинам этих людей переселили на территорию Западной Сибири, а именно на территорию Омской области. Вывозили их так же, как когда-то вывозили кулаков. Мария Ивановна Сенькив рассказывала: «Не разрешали брать с собой много вещей, на сбор давали 1 час».

Из воспоминаний Стецко Я. И.: «Везли в скотских вагонах, все вагоны были переполнены, сидели и спали по очереди. Людей на станциях не выпускали. Питались тем, что взяли с собой, поэтому голодали.

В дороге людей не кормили, охранники давали только воду. Многие не выдерживали дороги и умирали, их снимали только на станциях. Настроение в вагонах было подавленное, взрослые не знали, куда и зачем их везут, радовались только дети». По прибытию в город Омск их выгрузили на станции Коломзино. Часть людей на грузовиках привезли в Новоуральский совхоз, затем их на телегах перевезли на отделение № 5, где подселили в землянки к другим семьям. Отношения местных жителей было более благоприятное, так как в землянках ютилось по несколько семей, часто детей разбирали ночевать по соседним домам. Батрак Екатерина Ивановна говорит что, на новом месте жить было тяжело. Те вещи, которые везли с собой, меняли на продукты. Мужики пухли с голода, но продолжали работать трактористами и пасти овец на базах. Хлеба выдавали по карточкам 100 грамм на ребенка и 300 грамм работающим. Со временем семьи обживались, и жизнь потихоньку налаживалась, на отделении появлялись новые дома, и семьи потихоньку расселяли. В 1960 г. прошла реабилитация, и многим разрешили возвратиться домой. Кто-то вернулся, но многие остались в деревне, так как не хотелось покидать обжитые места.

С территории Прибалтики в Новоуральский переселили: Куркина Зигридарасма Вилхелмовна; Сокол Интамелиту Робертовну; Сухорукову Мильви Пауловну. История с переселением такая же, как и у переселенцев с Западной Украины. По воспоминаниям очевидцев их привезли на территорию Иртышского района в 1949 г. Потом их отправили в Новоуральский совхоз.

Из воспоминаний жительницы посёлка Матущенко (Лейтис) В. Ф. (фото 3): «В семье нас было четверо: мама, бабушка, сестра и я. Отец без вести пропал. Мать работала в поле, часто голодали. Воспитывала нас бабушка. Образование далось нам тяжело. Зимы были холодные,

Фото 3. В. Ф. Матущенко (справа), 1954 г. В. Ф. Матущенко (справа), 1957 г.

одевать было нечего, ходить до школы было далеко за несколько километров, но все же получила среднее образование. Обзавелась семьей, проработала 28 лет секретарем в Сельском совете. В начале 1970-х гг. правительство выплатило компенсацию за нанесенный моральный и материальный ущерб, но произошел дефолт, и деньги обесценились»...

Пострадавшие во время политических репрессий: Дорошенко Лилия Ивановна; Тлегенов Улжубай Кужебекович; Иванчикова Наталья Андреевна. Из воспоминаний жителя посёлка Беляева Т. П. (фото 4): «Раскулачивание шло по имущественному принципу. Кулаком считался тот, кто имел лошадей, коров и других животных. Оставляли только небольшой участок под сад и огород, с которого кормились. Мой отец, Беляев Пётр Яковлевич, был председателем колхоза. Колхоз не выполнил план по хлебозаготовке, год был засушливый и поэтому отца арестовали. Нас лишили всего имущества и выслали на север. Как говорили, все это делалось по решению сельсовета, ведь никакого суда не было. Нас везли в товарных вагонах, и помню одно, что очень хотелось есть»...

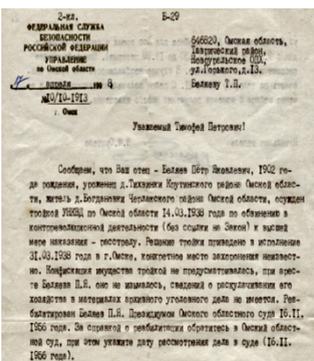

Фото 4. П. Я. Беляева (слева) и его справка из ФСБ РФ

Исторический приговор прошлому за преступления тотального государства вынесен. Но жертвы политического террора вызывают к нашей памяти. Наш долг восстановить историческую справедливость по отношению к безвинно пострадавшим. В ходе насильственной коллективизации сельского хозяйства, проведённой в СССР, одним из направлений государственной политики стало «ликвидация кулачества как класса» – «раскулачивание», предполагавшее насильственное и внесудебное лишение зажиточных крестьян, использующих наёмный труд, всех средств производства, земли и гражданских прав, и выселение в отдалённые районы страны. Семьи арестованных, заключённых в концлагеря или приговорённых к расстрелу, подлежали высылке

в отдалённые северные районы СССР (Сибирь, Урал, Северный край, Казахстан), наряду с выселяемыми при массовой кампании кулаками и их семьями, «с учётом наличия в семье трудоспособных и степени социальной опасности этих семейств».

Во время правления И. В. Сталина в СССР был проведён ряд депортаций по этническому принципу; национальная автономия поволжских немцев была ликвидирована, а они сами депортированы в Казахстан. Наиболее масштабные депортации из прибалтийских республик были проведены в 1949 г. Главными целями этой депортации было «уничтожение кулачества как класса» и подавление вооружённого сопротивления советскому режиму.

Собрав и систематизировав материал на основе документальных источников, мы проследили трагические судьбы новоуральцев, признанных политрепрессированными, а ныне реабилитированными. Прошло немало лет с тех трагических дней, но как и тогда, волнует вопрос: «За что?». ...Проследив историю нашего посёлка мы убедились, что население в 1947 и 1949 гг. пополнялось за счёт переселенцев, которые были высланы к нам из разных уголков нашей страны. Это были не просто переселенцы, осваивающие новые земли, а сосланные сюда по той или иной причине. Беседуя с людьми, мы узнали страшные страницы истории нашего государства во время правления Сталина и его окружения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Книга «Забвению не подлежат», данные обл. ЦДНИ, архива УФСБ области; Архивные данные поселкового сельского совета.
2. Политические репрессии 1920^х–50^х гг. в Таврическом районе. Таврическая типография, 2005. 96 с.

СВЯЩЕННОЕ МЕСТО ПОМИНОВЕНИЯ – АЧАИРСКИЙ

*Е. Г. Кащеева, учитель истории и обществознания, руководитель
школьного краеведческого музея, МКОУ «Речная СОШ»*

8 марта 1953 г., через несколько дней после смерти Сталина, ИТК №8 начала расформировываться [1]. Она была переведена из этих мест в Омск, где и по сей день продолжает своё существование. В 1961 г. по решению Совета Министров РСФСР на территории бывшей колонии был основан зверосовхоз «Речной» – с этого времени начал строиться посёлок, но о колонии в посёлке знают все. В 1991 г. митропо-

лит Омский и Тарский Феодосий (фото 1), потрясённый страшной историей колонии, принял решение в память всех безвинно осужденных и погибших на месте бывшей колонии начать строительство монастыря – Ачаирского. Возглавлявший тогда зверосовхоз «Речной» директор Мещеряков Виталий Дмитриевич выделил для епархии безвозмездно 50 га земли на месте мук безвинных страдальцев, среди которых был и его отец. Ныне Ачаирский монастырь стал крупнейшим в Сибири центром молитвенного поминовения жертв сталинских репрессий и самым крупным монументальным монастырским комплексом Сибири. Здесь бывают паломники не только из разных уголков нашего района и области, но из-за рубежа (фото 2).

Фото 1. Вл. Феодосий с Патриархом Всея Руси Алексием Вторым, 1993 г.

Фото 2. Делегация польских учителей, 2011 г.

11 сентября 1993 г. патриарх Всея Руси Алексей II освятил строящиеся объекты и источник с целебной минеральной водой. Среди местных жителей за ним закрепилось название Святой источник или Горячий ключ (температура воды +37,5 градусов).

Промыслом Божиим в 1991 г. митрополит Омский и Тарский Феодосий, изучая историю вверенной ему епархии, принял решение – в память о бывшем в этих местах Ачаирском Михаило-Архангельском женском общежительном монастыре [2] на месте бывшей колонии построить женский монастырь во имя Животворящего Креста Господня. Первым по-настоящему понял, оценил и поддержал замысел владыки Феодосия губернатор Омской области Леонид Константинович Полежаев.

26 октября 1992 г. владыка Феодосий по совершении чина освящения земли новой обители и установки Закладного Креста служил панихиду по убиенным и замученным. В тот день были паломники из Омска, Польши, Германии. День был хмурый и пасмурный, осенний пронизывающий ветер гнал и гнал свинцовые тучи. И вдруг на самое короткое время среди серых туч появилась розовая полоска, которая постепенно расширялась и перешла в фиолетовый цвет с синим оттен-

Фото 3. Освящение места захоронения, 2012 г.

Фото 4. Захоронение останков, 2012 г.

ком. Создалось впечатление, что небо очистилось, небеса разверзлись, и солнечный луч коснулся земли, креста и всех присутствующих, как свидетельство божия благословения [1].

В обитель ежедневно и ежечасно прибывают паломники поодиночке, семьями и даже большими экскурсионными группами. Каждый из них обязательно молитвенно помянет страдальцев, окончивших свои земные дни за ключей проволокой во времена богоборческой власти.

Фото 5. Место массового захоронения (2012 г.)

Фото 6. Сотрудники ИИЦ «Мемориал»

Фото 7. Обелиск на месте массового захоронения

На собранные благотворительные средства в сентябре 2012 г. на месте массового захоронения поставлен памятный обелиск (фото 5, 6), а в сентябре 2013 г. установлено ограждение вокруг обелиска (фото 7). Начата архивная работа и работа школы с Ачаирской сельской администрацией, Администрацией Омского муниципального района, Министерством культуры Омской области по подготовке документов для придания месту захоронения статуса охраняемого объекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сибина С. В Ачаир за чудом // Российская газета. 2006. 20 октября; Лосунов А. М. Претечи Ачаирского крестового монастыря // Омские Епархиальные ведомости.
2. Справочная книга Омской епархии / [сост. И. С. Голошубин]. Омск, 1914; *Надъ Ф.* Империя страха // Омский вестник. 1991. № 41.

РАЗДЕЛ 2.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА В ВОСПОМИНАНИЯХ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

ДУХОВНЫЙ СЛЕД: ПАМЯТИ ВИКТОРА ВАСИЛЬЕВА

Владимир Балачан, писатель

На мой взгляд, человеческий род Васильевых – это некий энергетический сгусток, который, подобно комете, летит в небесах нашего сознания, светясь и не сгорая, оставляя за собой яркий искрящийся след, духовно осязаемый каждым человеком, живущим на земле и читающим книги. Судьба поэта и прозаика Виктора Николаевича Васильева – родниковая капля, в океане духовной культуры всего-то небольшая капелька, в которой, как в зеркале, отразилась судьба многомиллионного русского народа, подчеркиваю: именно русского народа, прошедшего через грозные ристалища двух революций, Гражданской и двух мировых войн в двадцатом столетии. И все перипетии духовного и материального мира отразились в сознании людей, не только очевидцев тех событий, но и последующих двух-трех поколений. Теперь уже легендарный поэт Павел Васильев, родной брат Виктора Николаевича, естественным образом не мог принять своей чистой и светлой душой инквизиторской идеологии большевизма, как ее восприняли Владимир Маяковский, Эдуард Багрицкий, Илья Эренбург, Михаил Светлов и другие.

Обозначая свои ориентиры, большевики пели: «Наш паровоз, вперед лети! В коммуне – остановка. Иного нет у нас пути – В руках у нас винтовка». Вдумаемся в слова партийного песнопения большевиков: «в коммуне – остановка...» – следовательно, в коммуне прекращается физическое и духовное развитие человеческого общества. Тупик! Далее: «В руках у нас винтовка». Заметим: не мотыга, не молот, не серп – винтовка! То есть – гильотина – карательное оружие, а не орудие труда... Могла ли созидательная творческая натура Павла Николаевича Васильева принять такую идеологию? Разумеется, нет. «По указке сроду петь не буду. Лучше уж навеки замолчать», – восклицал он при всяком

удобном и неудобном случае и запечатлел в своих стихах. Непокорных большевики не любили, их определяли на тюремное или лагерное довольствие. Особо непокорным – «даровали» мученическую смерть. Такую смерть принял и Павел Васильев. Большевикским инквизиторам и этого было мало: они репрессировали всех родственников. Отец Павла – Николай Корнилович – был расстрелян 27 июля 1942 г. в Новосибирской тюрьме НКВД. Брат – Виктор Николаевич – десять лет «отмотал» в лагерях за колючей проволокой, как родной брат «врага народа». Но и этого инквизиторам было мало! Тела загубленных закапывались в «укромных местах», чтобы чудом оставшиеся в живых родственники не могли поклониться праху родного человека...

Виктора Николаевича бог вознаграждал его за все свои и всего Васильевского рода мученические страдания долголетием и светлым рассудком. Виктор Николаевич написал несколько повестей и рассказов, в которых отразил – свою судьбу и судьбы многочисленных однолагерников. В 2004 г. в Омском книжном издательстве вышел однотомник его избранной прозы «Этап на восьмую». Писал Виктор Николаевич и стихи. Видимо, лучезарная поэтическая энергия Павла коснулась краешком своего крыла ранимой и впечатлительной души Виктора. Его стихи образны и объемны. В них не скульптурная, не фотографическая, а живая человеческая жизнь, духовная сущность сопутствует или противоборствует силам добра и зла. Чего только стоит одна маленькая поэма, или большое стихотворение, про Дуську Моргунову! Виктор Николаевич не обозначил жанра, но по своей структуре, значимости событий, объема времени и пространства это произведение претендует все-таки на поэму. Кто хоть однажды слышал «Дуську Моргунову», особенно в авторском исполнении, тот, я полагаю, навсегда запомнил художественный образ простой русской женщины, прошедшей фашистскую оккупацию, допросы и жестокую лагерную жизнь. В этом произведении Виктор Николаевич показал не только умение владеть многообразием образительных средств, но и определил четкую гражданскую позицию писателя и человека. Пройдя сквозь инквизиторское чистилище большевизма, брат «врага народа» за десять лет мытарства по лагерным темным закоулкам и многие годы морального преследования после освобождения – трудности с устройством на работу и другие жизненные неудобства – Виктор Николаевич не обозлился на этот народ, не накопил зла на Родину, которую защищал с оружием в руках во Второй мировой (его арестовали под Харьковом), в его православной душе не наслылось даже обид, что и выразилось в стихах 1961 года:

*Где мой брат? Давно уже расстрелян!..
Где отец мой? Той же лапой сбит!..
Под землею в ледяной постели
Вся семья побитая лежит!..*

*На меня наручники надели,
И живу на ощупь, как слепой...*

Все равно идти к великой цели, Родина, придется мне с тобой! Стихи и поэмы Виктора Васильева, которые наиболее ярко и художественно совершенно отображают характер эпохи и времени, пройденного и пережитого поэтом, где встречаются такие жемчужины-слова, как «Синедугая ночь разбросала кругом драгоценными бусами звезды», чтобы утолить поэтический голод, который наступил в результате проводимых теперь социальных, политических и культурно-моральных реформ на всей территории многострадальной России...

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ ПИСАТЕЛИ В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ «ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ УРАЛА XX ВЕКА»*

Ю. С. Подлубнова, г. Екатеринбург

Экспозиция музея «Литературная жизнь Урала XX века» посвящена литературному процессу в регионе и – шире – в провинции, за пределами Москвы и Санкт-Петербурга / Петрограда / Ленинграда, XX и теперь XXI вв. и базируется на уникальных материалах, хранящихся в Фонде Объединенного музея писателей Урала (г. Екатеринбург), интегральной составляющей которого является музей, и научных исследованиях сотрудников, собиравших материалы в библиотеках, архивах, а иногда в интернете.

Одна из частей экспозиции посвящена эпохе 1930-х гг. и представляет ее как сочетание двух глобальных сталинских проектов: проекта индустриализации страны (в т. ч. коллективизации) и проекта ГУЛАГа. Эта часть экспозиции выполнена в виде кирпичной стены (стена строящегося/модернизирующегося завода или же расстрельная стена) с информационными окнами. В окнах помещены фотографии писате-

* Исследование подготовлено в рамках интеграционного проекта УрО СО РАН «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования».

лей, книги, вещи 1930-х гг. Несколько окон связаны тематикой репрессий. Так, в одном из окон находится черный телефон как символ эпохи. Здесь же располагается серия фото репрессированных писателей (с указанием года рождения, не всегда точным): В. Ф. Губарев (1914 г.р.), Б. А. Кривошеков (Ручьев, 1913 г.р.), С. А. Морозов-Уральский (1896 г.р.), М. М. Люгарин (1908 г.р.), В. Буйницкий (1881 г.р.), Г. А. Троицкий (1910 г.р.), Н. Харитонов (1904 г.р.), А. Г. Попов (псевд. Маленький, 1904 г.р.), В. А. Макаров (1905 г.р.), С. Т. Балин (1902 г.р.), А. И. Шубин (1884 г.р.), И. Г. Ряпасов (1885 г.р.), В. П. Правдухин (1892 г.р.), П. А. Карьков (1894 г.р.), Б. Уральский (г.р. не указан), без фото (в пустой рамке) – О. В. Мамин (1901 г.р.), И. М. Новокшенов (1895 г.р.). Здесь же расположены копии документов, связанных с репрессиями писателей: анкета арестованного Кривошекова (Ручьева) Бориса Александровича и его совместное с В. Ф. Губаревым стихотворение «Встреча 1937»; справка о расстреле Губарева Виктора Федоровича в Челябинске 4 января 1938 г. с указанием, что акт о приведении приговора в исполнение хранится в особом архиве I спецотдела НКВД СССР, том № 11, лист 446; далее – выписка из протокола совещания тройки УНКВД Свердловской области от 15 июня 1938 г., в котором обозначено, что слушали дело № 38651 УГБ УНКВД по обвинению Буйницкого Владимира Владимировича, 1881 г.р., ур. г. Свердловска, кадровый эсер с 1905 г.; В. В. Буйницкий обвиняется в том, что является участником к-р нелегально-эсеровской организации, в которую был завербован в 1932 г.; по заданию к-р организации в конце 1936 г. организовал террористическую группу из студентов Архитектурного техникума в составе 4-х человек; постановили: Буйницкого Владимира Владимировича расстрелять, лично принадлежащее имущество конфисковать. Протокол заверен инспектором 8 отд. Кузнецовым.

Следующее окно: книга С. Морозова-Уральского «В стране Маньси»; на обороте окна (окна посетители оборачивают сами) – выписка из протокола совещания тройки УНКВД Свердловской области от 13 мая 1938 г., в котором обозначено, что слушали дело № 54914 УГБ УНКВД по обвинению Морозова Степана Артемьевича, 1856 г.р. (г.р. написан с ошибкой), ур. Малмыжского района, анархиста-эсера с 1916 г. С. А. Морозов обвиняется в том, что является участником к-р меньшевистско-анархистской организации, в которую был вовлечен в 1935 г.; как участник организации входил в состав боевой террористической группы; в 1937 г. с участниками организации подготовил теракт над членом Политбюро ВКП (б). Постановили: Морозова Степана Артемьевича расстрелять, лично принадлежащее имущество конфисковать. Протокол заверен инспектором 8 отд. Кузнецовым.

Следующее окно: книга И. Новокшенова «Застрельщики», УралГИЗ, 1934; на обороте окна – анкета арестованного Ивана Михайловича Новокшенова.

Следующее окно: книга Н. Харитонов «Завод-знаменосец», СвердловГИЗ, 1930; на обороте окна – справка о расстреле Харитонova Николая Ивановича в Свердловске 4 августа 1937 г. с указанием, что акт о приведении приговора в исполнение хранится в особом архиве I спецотдела НКВД СССР, том № 10, лист 338. Подпись начальника 12 отделения спецотдела НКВД СССР лейтенанта госбезопасности Кривицкого. Часть фото, выложенных в экспозиции, – из Фондов ОМПУ, некоторые фото и все документы – из Государственного архива административных органов Свердловской области.

Линия С. Т. Балина продолжена в следующем зале, посвященном писателям, погибшим во время ВОВ. Здесь представлено фото мл. политрука ВТ 11 армии, умершем 13 августа 1942 г., и два документа, связанные с ним, скопированные с сайта «Мемориала».

1) Список военнослужащих, осужденных военным Трибуналом XI Армии к высшей мере уголовного наказания, где указан и С. Т. Балин, 157 трансп. гужевая рота, рожден в 1906 г. (отличается от года в предыдущем зале) в с. Валинское, Катайский р-н, Челябинская обл., призван Октябрьским РВК г. Свердловска, приговорен к высшей мере наказания 13 августа 1942 г. Прим.: семья Балина проживает по месту рождения осужденного;

2) К списку прилагается пояснительная записка от Председателя Военного трибунала XI армии Вишнякова, где говорится, что приговоры приведены в исполнение в период с 11 августа по 1 октября 1942 г. На сегодняшний день очевидно, что не все репрессированные уральские писатели отражены в экспозиции. Поскольку предметная часть экспозиции представляет собой законченное дизайнерское произведение, есть возможность вносить новые данные только в электронный справочник, который находится в зале 1930-х гг. и предоставлен в свободное пользование посетителям.

Первоочередной задачей представляется внесение в справочник информации о писателях Е. Владимировой и А. Климове. Елена Львовна Владимирова, поэт и писатель, «внучка адмирала и выпускница института благородных девиц», в 1930-е гг. работавшая журналистом в Челябинске. В статье С. Мироновой «Есть всюду свет» (Челябинский рабочий. 2001. 2 июня) сказано, что Е. Владимирова перевела с немецкого сказку «Крысолов» – это не совсем точная информация. Сказку она написала сама, совместив фольклорный немецкий сюжет и художественные решения «Трех Толстяков» Ю. Олеси, и опубликовала ее

в альманахе «Стихи и проза» (Челябинск, 1937) незадолго до своего ареста в том же году. Как пишет С. Миронова, «Сама Елена Владимировна пережила два приговора, один из них – расстрельный. ВМН ей заменили 17 годами работы в северном высокогорном руднике». И далее: «Ее стихи передавали по этапам ДальЛАГа. Об этом лет 10 назад написал в „Правде“ другой политзэк – Георгий Жженов. Он писал, что мужественные стихи Елены Владимировны не одному заключенному помогли не только выжить в нечеловеческих условиях, но и не потерять человеческое достоинство. Особенной популярностью пользовалось одно из них – без названия». Стихи Е. Владимировны вошли в хрестоматию «Есть всюду свет... Человек в тоталитарном обществе» (М., 2000).

Климов Анатолий Матвеевич (1910–1945), родился в п. Тирлян недалеко от Белорецка (ныне – адм. центр Белорецкого р-на Башкортостана), детство провел в г. Троицке (Челябинская обл.). Работал журналистом, в 1931 г. по комсомольскому призыву поехал осваивать Арктику. В 1935 г. стал одним из авторов книги «Сердце тундры», вышедшей в Омске. В 1938 г. подготовил к печати книгу пионерских рассказов и стихов «Мы из Игарки». В 1937 г. его арестовали по доносу, провел несколько месяцев в тюрьме. В 1938 г. он вернулся на Урал, жил у родителей в Троицке. Перегрузки, которые сопровождали деятельность Климова на Севере, и заключение в тюрьме, привели к его инвалидности. В 1939 г. он приехал в Свердловск и выступил в Облоно с предложением создать из детских сочинений книгу об Урале. Книга, названная «Урал – земля золотая» увидела свет в 1944 г. В связи с инвалидностью на фронт А. М. Климов не попал. Он взял на себя обязательство составить третью книгу, написанную детьми, – «В огне народной войны» (другое название «Слушай нас, Родина!»). В книгу должны были войти детские воспоминания о войне, которые он собирал на прифронтовых и освобожденных территориях. Издать эту книгу он не успел из-за болезни. В Челябинске вышла только малая ее часть – «Твои сверстники» (1943). Писатель умер в июне 1945 г. [1]. Личные архивы А. М. Климова хранятся в Государственном архиве Пермского края [2]. В 1985 г. по решению исполкома Троицкого городского Совета народных депутатов в Троицке открыта музей-квартира А. М. Климова. Работа по сбору информации по репрессированным писателям продолжается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Писатели Челябинской области : Библиографический справочник. Челябинск, 1992.
2. ГА ПК. Ф. Р-790, оп. 1, д. 1123.

ОДА ОТЦУ

*В. Б. Стасевич, руководитель школьного
историко-краеведческого музея им. И. Лоцининой,
МКОУ «Любино-Малороссы»*

В Любино приехали мы, когда мне было три года, а старшему брату Виктору – пять. Приехали с Урала из Краснотуринского района Свердловской области. В Любино жил и работал старший брат отца – Дитте Андрей Андреевич, который вернулся из трудармии чуть раньше. Сейчас я понимаю, что это было вроде какого-то свободного переселения после трудармии. Но и здесь отец еще долго ходил отмечаться в РОВД...

Жили мы в маленьком саманном домике, строить его помогали родственники отца. Хотя в доме был глиняный мазаный пол, но

Фото 1. Любинский комбинат бытового обслуживания имени Кирова, 1964 г.

было в нем очень тепло. До сих пор я помню ситцевые «ковры» на стенах, выбитые занавески на окнах. Папа устроился в закройный цех КБО имени Кирова закройщиком массового пошива (фото 1). Коллектив был в основном женский. На всех фотографиях того времени он улыбается (ему чуть больше тридцати). Он излучал необыкновенное тепло, которого хватало близким, соседям и нам детям.

Уже, будучи ученицей старших классов (а мы учились во вторую смену), иду с подругой в школу, папа навстречу идет на обед, и я срываюсь с места, чтобы его обнять и поцеловать, подруг жду, и радости моей нет предела. Девчонки удивлялись, улыбаясь, говорили, что таких отцов не бывает. Удивительными были отношения между родителями. Папа не просто любил маму, а жалел ее, оберегал от жизненных трудностей.

Родители трудились с утра до вечера. Кроме этого работали дома: шили женские и мужские шапки. Отец всегда находил себе занятие. Ему ничего не стоило постирать нам, девчонкам, воротнички и манжеты, выгладить их и пришить. Тогда мне казалось, что у всех такие отцы, и это нормально. Поэтому восхищения моих подруг по поводу моего отца были мне не понятны. Когда умерла мама, в 46 лет, младшей Наталье было 16. Нам говорили соседи и знакомые, что отец нам никто, так как нет ни одного документа, где бы значился у нас отец, а у него дети. Мы были уже взрослыми, но никогда не задумывались, почему у родителей разные фамилии...

Родился мой отец в 1919 г. в Автономной Республике немцев Поволжья в селе Добринка. В семье было три сына: старший Яков, средний Андрей и младший Богдан (фото 2). Жили в большом доме, но очень бедно. Их отец рано умер. Богдан закончил 4 класса школы. В августе 1939 г. призвали в ряды Красной Армии. Попал в артиллерию. С начала Великой Отечественной войны воевал в 560 артполку. В августе 1941 г. был тяжело ранен и попал в госпиталь. После излечения хотел дальше пойти на фронт, но началась депортация. После ранения лечился, а тут приказ – в трудовую армию: в ИВДЕЛЬЛАГ в Свердловской области. Работал на драге, по добыче золота, строили мосты, тротуары, выполнял всякую тяжелую физическую работу. Там, на Урале встретил свою будущую жену Осипову Марию Васильевну. Она была младше отца на 7 лет. Руководство, узнав, что комсомолка Осипова встречается с немцем Дитте, организовали комсомольское собрание, на повестке дня которого стоял один вопрос: поведение комсомолки Осиповой. Как это было на самом деле, мы можем только предполагать. Отец рассказал мне об этом перед самой смертью. Я представляю, что это было так:

Фото 2. Дитте Богдан Андреевич, красноармеец, 1939 г.

– На учете в комсомольской организации состоит 32 человека. На повестке дня поведение комсомолки Осиповой Марии, рабочей шахты №3. В наше время, когда само слово «немец» вызывает ужас, Мария встречается с сосланным немцем. У нее же погиб отец на фронте! Гнать и обходить стороной, надо их!..

Голоса из зала:

– О каких отношениях здесь можно говорить?

– Это недостойно комсомольского билета!

– Гнать за пособничество врагов народа!

– Или комсомольский билет или немец!

– Пусть она сама скажет!

Слово берет Осипова Мария. Веселая, задорная певунья, гордо подняв голову, положив на стол комсомольский билет, тихо сказала:

– Да за этого немца можно ни один билет отдать!

Молодая девушка ушла к «своему» немцу. И вскоре, в 1949 г. они поженились, но брак регистрировать боялись. В 1955 г. они приехали на станцию Любинская, на постоянное место жительства. Но до 1956 г. приходилось отмечаться в комендатуре, это помню и я. Выезжать никуда было нельзя. В день Победы мой отец всегда горько плакал, но о чем он думал, что вспоминал, никто не знает.

Однажды в наш дом, мы уже жили в большом доме на улице Южная, вошли мужчина и женщина. На вопрос женщины: «Вы его узна-

ете?», он ответил: «Нет, не узнаю, ко мне народу ходит много». Папа, будучи на пенсии, продолжал шить шапки. Он думал, что к нему опять пришли с заказом. Да и трудно было узнать в этом постаревшем за 45 лет разлуки друга детства.

Фото 3. Незабываемая встреча через 37 лет. Дитте Б. А. с другом детства Миком А. А., село Любино-Малороссы, 1982 г.

Это был Мик Александр (фото 3), с которым папа провел детство, вместе ушли в армию. Они обнялись, по их щекам бежали слезы радости. Долгие часы они беседовали, было о чем друг другу рассказать, было каждому что вспомнить. Самое главное, они говорили на своем родном языке – на немецком.

Свою мать, Ульяну, Б. Дитте похоронил на любинском кладбище. Брат Андрей из Любино снова уехал в Добринку, а Яков безвы-

ездно жил в Саратове. Слабо владея грамотой, мой отец старался дать многое своим детям: почтальоны домой постоянно приносили выписанные журналы: «Пионер», «Костер», «Советский экран», «Огонек», «Роман-газета», сам постоянно читал газету «Нойес Лебен». Самым частым гостем в книжном магазине был именно он, говорил с акцентом, читать по-русски не мог, но покупал новинки, что советовал директор книжного магазина Нейман. После смерти папы меня встретила моя классная руководительница (папы уже много лет не было в живых) и спросила: «Валя, какое образование было у Вашего отца?». Я ей ответила, что всего четыре класса. Александра Капитоновна очень удивилась. На родительских собраниях она чувствовала себя напряженно и неловко. Как он был одет! Как обаятелен! Как умел говорить!

Удостоверение ветерана ВОВ (фото 4) получил спустя много лет после войны, в 1970-е годы. Вспоминать о войне не мог. День Победы для него был тяжелым, годы трудармии забывались с трудом. Всю жизнь он жил под своей фамилией – Дитте, а жена была Осипова Мария Васильевна. До самой смерти прожил он на улице Южная, нажив много друзей, выучив детей, заработав уважение и почет, никогда не сетуя на свою судьбу. Пережив маму на

Фото 4. Дитте Богдан Андреевич в день получения удостоверения участника Великой Отечественной войны, 1982 г.

17 лет, отец так и не женился. Все его дети уже пенсионеры. Выросли внуки. Внучка Мария живет в Германии, работает и учится. На исторической родине деда подрастает его правнук Дэвид, который очень, мне кажется, похож на него. А я в память об отце нашла в Германии его племянников, детей брата Андрея, познакомила с ними свою дочь, и очень рада, что они поддерживают родственные отношения.

Листая старый семейный альбом, глядя на своего папу, думаю, что он обрел покой. Наконец-то настало время, когда можно говорить на родном языке и не нужно прятать свое имя и фамилию.

ДОЧЬ КУЛАКА – ЧЕЛОВЕК ДОСТОЙНЫЙ

В. А. Жулей, ветеран педагогического труда

Жизнь человеку подарена Богом. И всем, как известно, дается однажды. И исчисляется ни в эрах, ни в веках, мгновения ее в секунде каждой! Я живу на этом свете восемь десятков лет. Очень много пришлось испытать моему поколению бед, невзгод и переживаний, и я не хочу, чтобы наши потомки испытали подобное.

«Родилась я (по паспорту) 10 декабря 1929 г. На самом деле я не знаю ни года, ни дня своего рождения. Родители мои – Сляднев Андрей Кузьмич и Сляднева Мария Мироновна – жили в деревне Владимировке Колосовского района Омской области. В семье было одиннадцать детей. Четверо – от первого брака отца (его первая жена умерла), семеро – от второго брака – с моей мамой. Отец рос сиротой, рано хлебнул сиротской доли, полной лишений и бед, поэтому, женившись, решил во что бы то ни стало обеспечить своей семье более-менее сытую жизнь. Он сумел приобрести маленькую мельничку, на которой можно было получать муку из зерен пшеницы, ржи, ячменя; немного усовершенствовав мельничные жернова; отец наладил отжим масла из семян подсолнечника, конопли, рыжика. Семья имела небольшой участок земли, который засевали пшеницей и рожью. Узнав о существовании во Владимировке мельнички, которая не только мелет муку, но и жмет масло, с окрестных сел потянулись люди, много людей, которые за небольшую плату могли обеспечить себя мукой и маслом из собственного урожая. Мама рассказывала, что порой весь наш двор был занят крестьянами, работа кипела и днем, и ночью. К 1928 г. семья имела дом, который построил сам отец, пять лошадей и одиннадцать коров, свои плуги, сенокосилку и бороны. Это было время коллективизации, и все жители деревни должны были сдать все свое

хозяйство в коллективную собственность, кроме того, поступило распоряжение всем жителям подписаться за уничтожение церкви, которую строили всей деревней. Отец отказался вступать в колхоз и уничтожать церковь. Вскоре такие крестьяне, как мой отец, были обложены непосильными налогами и объявлены кулакам! У них насильно забирали имущество и всем объявили, что «кулачество будет уничтожено как класс», а кулаки вместе со своими семьями будут высланы в необжитые места. Наша семья к этому времени потеряла четверых детей, умерших от разных болезней.

В начале июня 1931 г. мать и пятерых детей вывели из дома, посадили на повозки и увезли в Евгашино, оттуда пароходом с названием «Дедушка» мы плыли по рекам Иртыш, Обь, Васюганка в Тюменскую область, в район васюганских болот. Пароход вез четыре баржи, в трюмах которых находились крестьянские семьи. Ехали больше месяца, в трюмах было темно и сыро. Старики, больные люди, маленькие дети умирали, и их просто выбрасывали за борт. Матери, у которых умирали груднички, старались скрыть, что умер их ребенок, держали их около груди, но «стражей порядка» ничем нельзя было разжалобить.

Питались тем, что смогли взять с собой, а воду для питья брали прямо из реки. Один раз в неделю нам давали кипяток. За один месяц людей было не узнать. Страшно исхудавшие, кожа да кости. В начале июля 1931 г. пароход причалил к берегу. Объявили высадку.

Берег Васюганки был высоким и глинистым. Больные, изможденные дорогой люди, с детьми и скарбом не могли подняться, падали в реку и там находили свой покой. Чтобы подняться на берег, люди стали делать ступеньки. Те, кто уцелел, взобрались на берег и не знали, что делать. Их встретила девственная непроходимая тайга (урман), где еще не ступала нога человека, бродили дикие звери, свирепствовал таежный гнус (мошкара, назойливая и беспощадная). Люди принялись обустриваться в тайге, сооружали шалаши, корчевали лес, а позже строили бараки. Взрослым выдавали по четыре кг ржаной муки на месяц, детям – четыреста граммов. Тиф, цинга, чесотка уносили десятки жизней. Хоронили в общих могилах без гробов, без ПОМИНОК...

Жили мы в бараке, мама из глины слепила русскую печку, отец сделал нары, где спали все подряд. Денег и вещей не было. Были зипуны, холщевые рубашки и шубы, сшитые отцом из овчины из той, прошлой уже жизни. 3 октября 1934 года умер отец, еще раньше умер мой брат Дима. Мама осталась с четырьмя детьми, к этому времени она стала инвалидом, да еще переболела тифом. 21 марта 1935 г. маму вызвали в комендатуру и вручили документ об освобождении. Нашей радости не было конца!

23 марта 1935 г. мама собрала нас, обрядила в тряпье и повела на свободу, с места нашего поселения. Неграмотная женщина, без денег, без продуктов отправилась в путь с четырьмя малыми детьми по нехоженому таежному тропам... Шли мы больше месяца – день и ночь. Идти можно было только гуськом, настолько непролазными были тропы в тайге. Первой шла мама, второй сестра шестнадцати лет, за ней брат двенадцати лет, за ним сестра десяти лет и замыкала эту вереницу я, шестилетка. Нетронутый снег, которого было очень много, не давал нам возможности двигаться быстро. Я часто отставала, садилась на снег и молча смотрела на тайгу, следила за белками. Мама возвращалась за мной и несла на плечах. Местные жители – чукчи, остяки – давали нам хлеба, медвежатины. Часто приходилось ночевать в тайге, потому что не успевали за день пройти расстояние до следующего полустанка (30–50 километров)

Однажды мы не могли дойти до следующего пункта, пришлось заночевать на тропе. Мама стояла перед нами, согревая своим дыханием. Вдруг мы услышали треск в лесу, брат сказал, что это медведи проснулись и идут к нам. Но на нас вышел местный житель (остяк) на лыжах, мы испугались, он тоже оторопел. Мама рассказала, кто мы такие и куда идем. Он набрал веток в тайге, развел костер, и мы отогрелись. Дал нам хлеба и медвежатины. Были случаи, когда местные жители предлагали маме оставить меня у них, но мама не оставила.

Не доходя до Тары есть село Заливино, куда под вечер, мы подошли к реке, а мост был снесен, мы переночевали на тропе, а утром мама пошла искать переход. Река была неширокая, и в излучине собрались льдины. Мама достала распятие, прочитала молитву и перевела нас по льдинам на другую сторону реки. Мокрые, голодные 20 апреля мы добрались до Тары. Это было Вербное воскресенье. Люди шли из церкви, глядя на нас, плакали, одна женщина дала мне 26 копеек, другая – сестре 20 копеек. Это было наше состояние на всю семью.

26 апреля вечером мы добрались до деревни Ламоново, где жили наши родные: бабушка Луша, тетя Феша, дядя Никита. Промокшие от дождя, грязные, голодные, мы вошли в дом к бабушке, нас было пятеро человек. Бабушка упала в обморок, тетушка плакала, они думали, что мы им померещились – ведь 4 года они о нас ничего не знали. 27 апреля 1935 г. была пасха, и я впервые увидела красное пасхальное яйцо и кулич. Вскоре мама пошла работать в совхоз № 128 дояркой. Жили на хуторе. Мы ходили в школу за пять километров пешком. Учились хорошо. Брат закончил семь классов и пошел работать учителем. В 1941 г. началась Великая Отечественная война. Брат Иван добровольцем ушел на фронт, погиб за Родину. Сестра училась, а я после пятого класса по-

шла работать на ферму в родильное отделение крупнорогатого скота. Денег нам не платили. Питались картошкой, травой. Женщины, оставшиеся без мужей, работали день и ночь. Одевшись в стеганные брюки, мужские шапки, возили сено коровам и дрова в телятники и школы, хлеба в то время выдавали по полкилограмма на человека в сутки.

В 1944 г. я пошла снова учиться, окончила семь классов, поехала поступать в Тарское педагогическое училище, а в 1950 г., я стала работать, учителем первых классов. В 1951 г. поступила в педагогический институт на заочное обучение, закончила его, получила диплом о высшем образовании. В 1954 г. познакомилась с молодым человеком, жившим в городе Омске, вышла за него замуж. Прожили мы вместе пятьдесят три года, у нас родилось два сына, пятеро внуков, два правнука. Дети и внуки учились хорошо, все получили высшее образование, трудятся на благо нашей родины.

Сейчас я на заслуженном отдыхе. За свою работу заслужила звание «Отличника народного просвещения», медали за трудовые подвиги, знаки победителя социалистического соревнования, множество похвальных грамот, благодарственных писем. Не люблю вспоминать свое детство, которое прожила с клеймом «дочь кулака», хотя время расставило все по своим местам.

РАЗДЕЛ 4. ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ

ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Методическая разработка классного часа

*Н. Ю. Дроздова, Н. Н. Киселева, преподаватели,
БОУ Омской области СПО ОГКУиПТ*

Цель. Способствовать формированию ответственности за свою гражданскую позицию к оценкам исторических событий в истории страны.

Задачи. Содействовать формированию собственной точки зрения по поводу событий, происходящих в стране: представлений о событиях 30-х гг. XX века, а также опыта нравственного поведения личности; формированию гражданско-патриотической позиции учащихся и воспитывать у обучающихся любовь к истории родного края.

Организаторы мероприятия: классный руководитель, ведущий 1, ведущий 2, ведущий 3, выступающие – 2 студента с докладами.

Технические средства: мультимедийный компьютер, проектор.

Ход мероприятия:

...никакое развитие страны, никакие ее успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и потерь. Ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни. И репрессиям нет оправдания...

Президент РФ Д. А. Медведев (2011 г.). (Слайд 1, см. прил.)

Классный руководитель:

Уважаемые студенты и гости мероприятия, мы не случайно начинаем наш классный час словами Дмитрия Анатольевича Медведева [1]. День памяти жертв политических репрессий – памятный день, в рамках которого проходят траурные акции и памятные мероприятия, «уроки памяти» в учебных заведениях, посвященные памяти людей, погибших или пострадавших в ходе политических репрессий. Каждый гражданин нашей страны не должен оставаться равнодушным к историческим, трагическим моментам страны. Начиная с 1991 г., ежегодно 30 октября мы вспоминаем жертвы политических репрессий. На территории всей России в этот день проходят памятные мероприятия.

Ведущий 1:

День памяти жертв политических репрессий в России – напоминание нам о трагических страницах в истории страны, когда тысячи людей были необоснованно подвергнуты репрессиям, обвинены в преступлениях, отправлены в исправительно-трудовые лагеря, в ссылку и на спецпоселения, лишены жизни. (Слайды 2–3, см. прил.). Нравственные и физические мучения коснулись не только самих репрессированных, но и их родных и близких. Клеймо «врагов народа» и их пособников легло на безвинных людей и целые семьи. Миллионы погибли в результате террора и ложных обвинений.

Ведущий 2: (Слайд 4, см. прил.)

Век двадцатый, жизнь искалечил,
Что такое судьба не понять,
Миллионы невинных совграждан,
Отправляла система в ГУЛАГ.
Но вины за собою не зная,
Труд они не посильный несли,
Лес валили с глубокой печалью,
И с клеймом возвратились они.
Благородный им труд был заказан,
Их советы считали врагом,
А они, обливаясь слезами,
Не могли за себя постоять.
Годы пройдены, всё изменилось,
Уравнивали теперь Вас в правах,
И Вы все этим очень гордитесь,
Остальных же нет среди Вас.
Они всё бы за это отдали,
Чтобы честь свою сохранить,
Но судьба сотворила ужасное,
И теперь их нет уж в живых.
Им поставили плиты из мрамора,
Поклоняется им весь народ,
Они в памяти вечной останутся,
И их нам никогда не забыть.
В Таганроге о них вечно помнят,
Кто же выжил, они все в строю,
Их возглавил Владимир Лысенко,
Мемориал наш всегда на посту.
Все идут к нему с просьбой о помощи,

Зная точно, поможет во всём,
Так как сам прожил, жизнь нелёгкую,
Лагеря и плен пережил.
Так крепитесь Вы наши родные,
Берегите себя, и друзей,
И должны мы быть все уверены,
Повторенья не будет систем.

Геннадий Елисеев

Ведущий 3: (Слайд 5, см. прил.)

История Дня памяти: 30 октября 1974 г. по инициативе диссидента Кронида Любарского и других узников мордовских и пермских лагерей был впервые отмечен «День политзаключённого» – совместной голодовкой и зажиганием свеч в память о безвинно погибших. После этого ежегодно 30 октября проходили голодовки политзаключённых, а с 1987 г. – демонстрации в Москве, Ленинграде, Львове, Тбилиси и других городах. 30 октября 1989 г. около 3 тысяч человек со свечами в руках образовали «живую цепь» вокруг здания КГБ СССР. После того как они отправились оттуда на Пушкинскую площадь с целью проведения митинга, они были разогнаны ОМОНОм.

Классный руководитель:

День памяти жертв политических репрессий должен был быть днем всеобщего траура, потому что жители нашей страны пережили национальную трагедию, которая началась сразу после октября 1917 г. (Слайды 6–8, см. прил.).

Ведущий 1:

Уже 1918 г. был отмечен расстрелом 3000 священнослужителей. В 1938–1941 гг. репрессированы 38 900 человек, свыше 35 тысяч из них расстреляны. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. было осуждено более 500 тысяч крестьян. Из рядов армии было «вычищено» 45 процентов командного состава как политически неблагонадежных. В годы войны и первые послевоенные годы жестоким репрессиям подверглись вышедшие из окружения, военнопленные и репатриированные советские граждане. Общее количество военнослужащих, репрессированных в годы войны, составило 994 тысячи человек, из которых 157 тысяч расстреляно. 3,5 миллиона человек было репрессировано по национальному признаку с середины 1940-х по 1961 год. Основным объектом репрессивной политики режима в 1960-е – 1980-е гг. явилось «диссидентство». За период с 1967 по 1971 гг. органами КГБ было «выявлено» более трех тысяч группировок «политически вредного характе-

ра», 13,5 тысяч членов которых были репрессированы. Всего в период с 1921 по 1953 гг. органами ВЧК, ОГПУ, НКВД, МВД по политическим мотивам были подвергнуты репрессиям свыше четырех миллионов человек, в том числе осуждены к высшей мере наказания около 800 тысяч человек.

Классный руководитель:

Сейчас мы расскажем о наиболее известных сфабрикованных «делах» того времени.

Ведущий 2:

В 1929–1931 гг. десятки учёных были арестованы и осуждены по так называемому «делу Академии наук». Академическое дело (Дело Академии наук, или Дело Платонова – Тарле) – уголовное дело, сфабрикованное ОГПУ в 1929–1931 гг. против группы учёных Академии наук и краеведов в Ленинграде, где до 1934 г. находилась Академия наук. Всего в декабре 1929 – декабре 1930 гг. по «Академическому делу» были арестованы свыше 100 человек (главным образом специалисты в области гуманитарных наук). Открытый процесс по делу так и не состоялся. Судьбу арестованных решила во внесудебном порядке комиссия ОГПУ своим постановлением от 8 августа 1931 г. К различным срокам заключения и ссылки были приговорены 29 человек, в том числе С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачёв, М. К. Любавский (умер в ссылке в 1936 г.), старший учёный хранитель Пушкинского дома Н. В. Измайлов, востоковед А. М. Мерварт, С. В. Рождественский (умер в ссылке в 1934 г.), Ю. В. Готье, С. В. Бахрушин, Д. Н. Егоров (умер в ссылке в 1931 г.), В. Н. Бенешевич (расстрелян в 1938 г.) и многие другие.

Ведущий 3:

В 1932 г. четверо сибирских писателей были сосланы по делу так называемой «Сибирской бригады». Аресты по делу № 122613 «Сибирской бригады» начались в марте 1932 г.: 4 марта был арестован Васильев, 7 марта – Забелин, 16 марта – Анов, 19 марта – Мартынов, 10 апреля – Марков (арестован во время командировки в Средней Азии), 14 апреля – Черноморцев (освобожден 13 июня) [3]. ОГПУ квалифицировал их как нелегальную контрреволюционную и антисоветскую организацию. В обвинительном заключении сказано: «Группа ставила своей задачей широкую антисоветскую агитацию... через художественные литературные произведения, обработку и антисоветское воспитание молодежи из враждебных соцслоев, расценивавшихся как актив а/с движений». Основу обвинения составили главным образом собственноручные подробные показания. От расстрела писателей спасла «оттепель» 1932 г.: возвращение Горького из Италии, подготовка и проведение всесоюзного съезда советских писателей.

Ведущий 1:

Сотни бывших офицеров, служивших в РККА, в 1930–1931 гг. были арестованы и осуждены по делу «Весна». Только в Ленинграде в мае 1931 г. по этому делу было расстреляно свыше одной тысячи человек.

Ведущий 2:

В 1928–1929 гг. по делу «султан-галиевской контрреволюционной организации» был арестован ряд руководящих работников Татарской АССР и Крымской АССР. Главой её был объявлен татарский коммунист М. Х. Султан-Галиев. В 1930 г. коллегия ОГПУ приговорила Султан-Галиева и ещё 20 «участников его контрреволюционной организации» к расстрелу, который был затем заменён заключением сроком на 10 лет.

Ведущий 3:

В 1930–1931 гг. в Белоруссии были арестованы один из секретарей ЦК республиканской компартии, несколько наркомов и другие руководящие работники республики. Они обвинялись в связи с т. н. организацией «Союз освобождения Белоруссии», по делу которой было осуждено 86 деятелей белорусской науки и культуры.

Ведущий 4:

Весной 1930 г. на Украине состоялся открытый процесс по делу «Союза освобождения Украины» во главе с вице-президентом Всеукраинской Академии наук (ВУАН) С. А. Ефремовым. Кроме него на скамье подсудимых оказалось свыше 40 человек. Согласно обвинению, «Союз освобождения Украины» имел целью свержение советского правительства и превращение Украины в буржуазную страну «под контролем и руководством одного из соседних иностранных буржуазных государств». Все обвиняемые признали себя виновными в контрреволюционной деятельности и основным обвиняемым, «принимая во внимание их искреннее раскаяние на суде», смертная казнь была заменена 8–10 годами лишения свободы, остальных приговорили к меньшим срокам лишения свободы, девять из них были осуждены условно.

Классный руководитель: (Слайды 9, 10, см. прил.)

В количественном отношении пик репрессий пришелся на 1937–1938 гг., когда за два года по известной 58-й статье («контрреволюционные преступления») были осуждено 1,3 миллиона человек, из которых свыше половины расстреляны. Статья 58 Уголовного Кодекса РСФСР: государственные преступления и контрреволюционная деятельность в действии.

58.1. Контр-революционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче-Крестьянских Советов... Для борьбы с наиболее тяжкими видами престу-

плений, угрожающими основам Советской власти и Советского строя, впредь до отмены Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР, в случаях, специально статьями настоящего Кодекса указанных, в качестве исключительной меры охраны государства трудящихся применяется расстрел. Раздел 4. Статья 20. Уголовный Кодекс Р.С.Ф.С.Р от 22 ноября 1926 года. (Слайды 11–20, см. прил.).

58.2. Организация в контр-революционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов или банд, а равно участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно отторгнуть от РСФСР какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные ею договоры, влечет за собой – расстрел и конфискацию всего имущества, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы со строгой изоляцией на срок не ниже пяти лет с конфискацией всего имущества.

58.3. Сношение с иностранными государствами или их отдельными представителями с целью их склонения к вооруженному вмешательству в дела Республики, объявлению ей войны или организации военной экспедиции, равно как содействие иностранным государствам уже после объявления им войны или посылки экспедиции, в чем бы это содействие ни выразилось, – меры социальной защиты, предусмотренные 1 частью статьи 58.2.

58.4. Участие в организации, действующей в целях совершения преступлений, означенных в статьях 58.1–58.3, – меры социальной защиты, предусмотренные 1 и 2 частью статьи 58.2.

58.5. Участие в организации или содействие организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии, указанной в статье 58.1 настоящего Кодекса, – те же меры социальной защиты.

58.6. Участие в организации, действующей в целях, означенных в статье 58.1 настоящего Кодекса, путем возбуждения населения к массовым волнениям, неплатежу налогов и невыполнению повинностей или всяким иным путем в явный ущерб диктатуре рабочего класса и пролетарской революции, хотя бы вооруженное восстание или вооруженное вторжение и не являлось ближайшей задачей деятельности этой организации, – те же меры социальной защиты.

58.7. Противодействие нормальной деятельности государственных учреждений и предприятий или соответствующее использование их для разрушения и подрыва государственной промышленности, торговли и транспорта, в целях совершения действий, предусмотренных статьей 58.1 (экономическая контр-революция) – меры социальной защиты, предусмотренные статьей 58.2. Те же действия, при отсутствии

признаков статьи 58.1, выразившиеся в сознательном неисполнении возложенных по службе обязанностей, заведомо небрежном их исполнении или осложнении той же деятельности излишней канцелярской волокитой и т.д. (саботаж) – меры социальной защиты, предусмотренные статьей 109 настоящего Кодекса.

58.8. Организация в контр-революционных целях террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций, а равно участие в выполнении таких актов, хотя бы отдельный участник такого акта и не принадлежал к контр-революционной организации, – меры социальной защиты, предусмотренные 1 частью статьи 58.2.

58.9. Организация в контр-революционных целях разрушения или повреждения взрывом, поджогом или другим способом железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений или строений, а равно участие в выполнении указанных преступлений, – меры социальной защиты, предусмотренные 1 и 2 частью статьи 58.2.

58.10. Шпионаж, т. е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контр-революционным организациям или частным лицам, – лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов государства – расстрел. Передача или собирание с целью передачи экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специально охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглашению по прямому запрещению закона или по распоряжению руководителя ведомства, учреждения и предприятия, за вознаграждение или безвозмездно организациям или лицам, указанным в 1 части настоящей статьи, – лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой на срок до трех лет.

58.11. Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных или особо секретных должностях при царском строе или у контр-революционных правительств в период гражданской войны, – меры социальной защиты, предусмотренные 1 частью статьи 58.2.

58.12. Укрывательство и пособничество всякого рода преступлениям, предусмотренным в статьях 58.2–58.11, не связанные с непосредственным совершением означенных преступлений или при неосведомленности о их конечных целях, – лишение свободы на срок не ниже одного года.

Недонесение о достоверно известных предстоящих и совершенных преступлениях, предусмотренных статьями 58.2–58.10 настоящего Кодекса, – лишение свободы на срок до одного года.

58.13. Пропаганда и агитация, выражающаяся в призыве к свержению власти Советов путем насильственных или изменнических действий или путем активного или пассивного противодействия Рабоче-Крестьянскому Правительству, или массового невыполнения возлагаемых на граждан воинской или налоговой повинностей, – лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет. Призыв к невыполнению или противодействию распоряжениям центральной или местной власти при неустановленности контр-революционных целей – меры социальной защиты, предусмотренные статьей 59.6 настоящего Кодекса.

58.14. Использование религиозных предрассудков масс с целью свержения Рабоче-Крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям – меры социальной защиты, предусмотренные статьей 58.13 настоящего Кодекса.

58.15. Пропаганда и агитация в направлении помощи международной буржуазии, указанной в статье 58.1, – изгнание из пределов Союза С.С.Р. или лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет.

58.16. Самовольное возвращение в пределы Союза С.С.Р. в случае применения меры социальной защиты по пункту «а» статьи 20 настоящего Кодекса – расстрел.

58.17. Изготовление, хранение с целью распространения и распространение агитационной литературы контр-революционного характера – лишение свободы на срок не ниже одного года.

58.18. Измышление и распространение в контр-революционных целях ложных слухов или непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее – лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

При недоказанности контр-революционности означенных действий, мера социальной защиты может быть понижена до принудительных работ на срок до трех месяцев. В сталинские годы было репрессировано около 60 народов. Это два миллиона 463 940 человек, из них 655 674 – мужчины, 829 084 – женщины, 970 182 – дети до 16 лет. Реабилитация жертв политических репрессий началась в СССР в 1954 г. В середине 1960-х гг. эта работа была свернута и возобновилась лишь в конце 1980-х гг.

Ведущий 2: (Слайды 21–28, см.прил.).

На сегодняшний день в России приняты и выполняются постановления, направленные на поддержку жертв репрессий, созданы

специальные комиссии по делам реабилитированных. 18 октября 1991 г. был принят Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий». Целью закона является реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории РСФСР с 25 октября (7 ноября) 1917 года, восстановление их в гражданских правах, устранение иных последствий произвола и обеспечение посильной в настоящее время компенсации материального и морального ущерба.

Докладчик 1:

В Амурской области с 1920-го по 1960 г. репрессировано более 100 тысяч наших земляков, что значительно больше, чем погибло в годы Великой Отечественной войны (с войны не вернулось около 40 тысяч амурцев). В 1938 г. структуру железнодорожного строительного управления ГУЛАГ НКВД на Дальнем Востоке составляли следующие лагеря: Амурский (15 отдельных лагерных пунктов, 317 колонн), Западный (3 лагерных пункта, 60 колонн), Южный (4 лагерных пункта, 111 колонн), Буреинский (5 лагерных пунктов, 143 колонны), Юго-Восточный (4 лагерных пункта, 95 колонн), Восточный (1 лагерный пункт, 40 колонн), Приморский (3 лагерных пункта, 27 колонн), Приморский (3 лагерных пункта, 27 колонн) и Нижне-Амурский. Когда в апреле 1932 г. было принято Постановление СНК СССР о строительстве БАМа, началось создание БАМЛАГА. Численность заключенных лагеря выросло с нескольких тысяч человек в начале 1933 г. до 291 384 в январе 1939 г. (среди них было 20 тысяч женщин и около 3 тысяч подростков). Соответственно довольно многочисленными были его отделения и лагерные пункты: первое отделение дислоцировавшееся в Тынде насчитывало на 1 июля 1935 года 10 817 заключенных; двенадцатое – 13 368... Через БАМлаг (Амурлаг) прошло около двух миллионов человек. Сколько же их было расстреляно и закопано в безымянные траншеи... у них отняли убийцы даже право на собственную (индивидуальную) могилу. Систематически расстреливали бамлаговцев в Свободном, Хабаровске, Чите, Сретенске, Уссурийске. Только 5, 7, 9, 10, 11, 14, 16 августа 1937 г. в Свободном было расстреляно 837 заключенных. От холода, голода, болезней в 1941 году умерло более 10 тысяч узников дальневосточных лагерей, в 1942 – 18 тысяч.

Докладчик 2:

Перелистывая ксерокопии постановлений Амурского областного суда, датированных 1959 г., когда шел пересмотр дел и реабилитация невинно осужденных, причем большинства из них – посмертно, охватывает ужас... Сотни фамилий тех, кого не пощадила политика Сталина, объявившего массовый террор в 30-х годах прошлого столетия. Тоталитарному режиму не были угодны здравомыслящие люди,

их хотели превратить в безмолвных рабов, неугодных – уничтожить, остальных согнать в лагеря, получить бесплатную рабочую силу. В области в то время было репрессировано около 100 тысяч амурцев. Только в начале 90-х гг. приоткрылась завеса злодеяний. За это время в Зее и Зейском районе более 300 человек получили статус реабилитированных и пострадавших от политических репрессий. Нет, неверно, ни одной семьи, которой не коснулось бы горе. Расстреляны и оказались за решеткой практически все участники Сианского (1930 г.) восстания, работники прииска Ясного, Октябрьского, леспромхоза... Наше государство, сумевшее допустить весь этот ужас, в неоплатном долгу перед жертвами сталинского режима. А чем искупить вину перед теми, кто остался без отцов, жен, матерей, кто многие годы носил на себе клеймо «враг народа»?

Классный руководитель: (Слайды 29, см.прил.).

Почтим погибших минутой молчания. Каждый должен помнить, память о прошлом – это путь к будущему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обращение Президента России // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/День_памяти_жертв_политических_репрессий.
2. Политические репрессии // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Репрессии>.
3. Днепровская Т. В. Классный час «Памяти погибших в годы репрессий». URL: <http://festival.1september.ru/articles/531104>.
4. Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел союза С.С.Р. №00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов. URL: <http://www.memo.ru/history/document/0447.htm>.
5. Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили). URL: <http://www.meysner.ru/index.php/2009-10-29-16-47-17/100/3393-2010-03-01-09-59-58>.

РЕПРЕССИИ. ТРАГЕДИЯ КУЛАЯ

*Внеклассное мероприятие,
посвященное памяти жертв политических репрессий*

*Т. Ю. Мадеева, учитель истории,
МКОУ «Чекрушанская средняя общеобразовательная школа»*

Пояснительная записка.

Д. С. Лихачёв сказал: «Нельзя только призывать к патриотизму, его нужно воспитывать...». Гражданско-нравственное воспитание стало одной из главных задач гуманистического подхода в современной школе. Школа является основным звеном в системе воспитания подрастаю-

щего поколения. Понятие «гражданская позиция» предполагает освоение и реализацию ребёнком своих прав и обязанностей по отношению к себе, своей семье, коллективу, к родному краю, Отечеству. Важно воспитывать деятельного и ответственного гражданина своей Родины. В нашей школе много внимания уделяется именно этому направлению работы. На уроках истории, внеклассных мероприятиях обучающиеся, не только знакомятся с общеизвестными фактами истории России, но и узнают о земляках, принявших участие в них. 30 октября традиционно проводятся мероприятия, посвященные Дню памяти жертв политических репрессий. Активно используются материалы местной печати – газеты «Ленинский Путь».

Оборудование: для технического и методического обеспечения занятия используется мультимедиа-проектор.

Оформление класса: в классе размещена выставка книг о репрессиях, ксерокопии статей районной газеты «Ленинский путь».

Подготовка к уроку: обучающиеся знакомятся предварительно (по желанию) с предоставленной литературой.

Форма занятия: занятие-реквием.

Тема: Репрессии. Трагедия Кулая.

Цели и задачи: познакомить обучающихся с историей Тарского Прииртышья периода репрессий (1920–1950); продолжить формировать умения и навыки анализировать и работать с документами, периодической печатью; способствовать пробуждению у подрастающего поколения интереса к изучению истории страны и своей малой родины; формировать у обучающихся чувство патриотизма и гражданской ответственности через критическое осмысление отечественной истории.

Ход занятия.

1. Оргмомент (Слайд 1).

Учитель: Здравствуйте, ребята. Сегодня мы собрались с вами почтить память жертв политических репрессий.

Ученик 1: (Слайд 2).

...Кажется сегодня мне,
что у нас с тобою было
две страны в одной стране.
Первая страна вставала
На виду у всей земли.
Радостно рапортовала!
А вторую в даль везли.
Вмиг перерубались корни.
Поезд мчался по полям.
И у всех, кто есть в вагоне,
«сто шестнадцать пополам»...

Р. Рождественский.

Ученик 2: (Слайд 3).

Кого перевозили в этих страшных вагонах? (Осужденных по 58 ст., «врагов народа», политзаключённых).

Учитель рассказывает и предлагает посмотреть книги.

30 октября наша страна отмечает День памяти жертв политических репрессий. Этот День скорби официально был установлен постановлением Верховного Совета РСФСР 18 октября 1991 г. в связи с принятием закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий». 1937 г. является кульминационным в цепочке этих долгих страшных лет. Так, только в Омской области в течение 1937 г. было расстреляно 11 тысяч человек, более 6 тысяч отправлено в лагеря. (Слайд 4). В 1996 г. в Омской области по инициативе губернатора Л. К. Полежаева была создана рабочая редакция Книги Памяти жертв политических репрессий Омской области, в которую вошли: историки, журналисты, литераторы. Первоначально редакция предполагала, что скорбный список невинно пострадавших займёт три тома. Просмотрев около 15 тысяч уголовных дел, хранящихся в омских архивах, коллектив редакции составил картотеку, в которой хранятся сведения о четырёх десятках тысяч невинно репрессированных омичей. Систематизировать сведения было трудно: в уходящем веке не раз менялись границы Омской области и её административно-территориальное деление. Многие населенные пункты переименовывались или исчезали совсем. Трудно было разбираться в самих уголовных делах, – особенно раннего периода советской власти – написанных от руки малограмотными следователями НКВД без соблюдения принятой формы. Первый том Книги Памяти жертв политических репрессий «Забвению не подлежит» вышел в Омском книжном издательстве в 2000-м году, 11 том – последний – в 2004 г.

Ученик 1:

Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области – это, в основном, списки с краткими биографическими сведениями наших земляков, подвергнутых репрессиям по политическим мотивам на территории Омской области. В каждый том Книги Памяти вошли сведения от 2,5 до 5 тысяч репрессированных, всего в 11 томах названы поименно 32 тысячи репрессированных на территории Омской области.

Ученик 2: (Слайд 5).

Читать эти книги страшно. Словно проходишь по огромному кладбищу, вглядываясь в фотографии, читая даты смерти, указанные на надгробиях... Эти люди не умерли своей смертью, не погибли за Родину, а были вырваны из нормальной жизни и осуждены за то, чего

не совершали, и погибли в лагерях и тюрьмах. «Репрессии». А что это такое?

Учитель:

Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» гласит: «Политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещение на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечение к принудительному труду в условиях ограниченной свободы, а также лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся опасными для государства».

Ученик 1:

А сколько судеб было исковеркано, ведь за каждым репрессированным стояла семья: жёны, дети, родители.

Учитель: (Слайд 6).

Чтобы представить масштаб той трагедии, г. Тару конца 1920-х – 1930-х гг., предлагаю мысленно пройтись по одной из центральных улиц нашего города – улице Александровской. Напротив здания районной библиотеки стоит двухэтажный деревянный дом, построенный в 1898–1900 гг., украшенный резьбой. Принадлежал он священнику Пятницкой церкви Семёну Павловичу Александрову. До перевода в г. Тару в 1896 г. Семён Павлович преподавал в младших классах Омского кадетского корпуса. В 1930-е гг. отец Семён занимал лишь комнаты верхнего этажа дома, он был уже человеком пенсионного возраста и не служил. Тем не менее, 31 июля 1937 г. он был арестован. Александров был обвинён в принадлежности к офицерской повстанческой организации, действовавшей в Тарском округе. К этой группе офицеров были причислены участники церковной организации «Сибирский совет», куда якобы входил Александров. Из материалов дела следует, что он «вел широкую контрреволюционную деятельность и вербовку в контрреволюционную организацию «Сибирское братство», создал и руководил контрреволюционной группой в 10 человек». 2 сентября 1937 г. тройкой при УНКВД по Омской области Александров и ещё несколько человек были приговорены к расстрелу. Но до расстрела дело не дошло, так как священник умер в тюрьме до выполнения приговора. Сведения о священнике Семёне Александрове содержит 1-й том Книги Памяти жертв политических репрессий Омской области. (Слайд 7). Репрессирован был сосед Александрова Василий Михайлович Деев. Купец Деев торговал до революции и в годы НЭПа, политикой не ин-

тересовался. Но в 1927 г. 3 марта он был арестован, из здания НКВД после допроса Деева вынесли на руках, так как его парализовало. 3 октября 1927 г. он был расстрелян с группой других тарчан в Чекрушанской роще. Сведения о Дееве можно найти в 3-м томе Книги Памяти. (Слайд 8). Тарский районный отдел НКВД в 1920–1930-е гг. располагался в здании по ул. Александровская, 60. (Слайд 9).

Пройдём дальше по ул. Александровской – дом № 76. Владелец дома, торгующий мещанин Иван Николаевич Смирнов был арестован 29 сентября 1937 г. Расстрелян 5 октября 1937 г. в Таре. (Слайд 10).

Улица Александровская, дом № 88. Этот дом тоже пережил страшное горе. Владельцем этого дома был Фёдор Людвигович Калленбрун, который был сослан в Тару в 1883 г. как эсер, участник польского восстания. В городе он был известен как мастеровой человек: слесарь, колбасник, кондитер, был гласным городской Думы. В 1937 г. ему был уже 71 год. Старик был парализован, при аресте недвижимым его переложили с кровати на носилки, так лежачим и расстреляли. Произошло это 1 ноября 1937 г. Этот день, можно сказать, самый чёрный день в череде этих страшных дней. 1 ноября 1937 г. в Таре расстреляли 33 человека. (Слайд 11).

Ученик 2:

Получены свидетельства того, что в районе салотопни бывшего скотомогильника на окраине города, в Чекрушанской роще, на озере Молодавском производились захоронения людей, расстрелянных в г. Таре в 1920-е – 1930-е гг. Установлено место расстрела – подвал здания милиции, и как проходил сам процесс уничтожения людей. В подвал ночью заводили по два человека. Руки у каждого были сцеплены сзади наручниками. Приговорённых к расстрелу ставили на колени и стреляли в голову сверху вниз. Вот почему в обнаруженных черепках одно отверстие: промахнуться было невозможно.

Ученик 1: (Слайд 12).

Мы сегодня говорим о расстрелянных в годы репрессий, но ведь люди гибли и в лагерях, и в исправительно-трудовых колониях системы ГУЛАГа, где условия жизни были ужасающими. В нашем Тарском районе было место, относящееся к ГУЛАГу. Это место называется – Кулай. Здание Тарской спецкомендатуры Управления НКВД по Омской области располагалось по адресу ул. Ленина, 63. Кулайская спецкомендатура была открыта в марте 1930 г. и просуществовала до декабря 1940 г. Кулай – это не лагерь и не тюрьма. Потому что «здесь не было зековской колючки и вертухаев на вышке». Во время первой высылки, в середине марта 1930 г., здесь не было ничего. Ни построек, ни долог. Глухая тайга, окруженная непроходимыми болотами. (Слайд 13).

На каждую раскулаченную семью разрешили взять одну лошадь и телегу, в которой должно было уместиться все: семья, дорожная снедь и запас вещей. До Кулая кто-то добирался месяц, а кто-то и того больше. (Слайд 14). Концом пути была поляна, окруженная осинником. Их, участников первой выселки, так и называли «подосиновиками», брошенными под сосной. Конечно, были случаи, когда люди спасались с Кулая бегством, но таких было единицы. Около 7000 человек погибли в этих болотах. (Слайд 15).

Учитель:

Людская память хранит события тех кровавых лет. Когда в 2000 г. началось активное освоение Западно-Крапивинского нефтяного месторождения, власти Омской области позаботились и при строительстве дороги на месторождение намеренно сделали крюк, чтобы не задеть предположительных границ уже давно стертого временем поселения репрессированных. (Слайд 16). 4 августа 2001 г., в День города в Таре состоялось открытие памятного знака жертвам политических репрессий. Он установлен на стыке границ православного и мусульманского кладбищ. На камне высечено: «Жертвам политических репрессий», «Помним, скорбим». (Слайд 17). 11 апреля 2002 г. на высоком кургане, ведущем на «Кулай», был установлен Поклонный крест, увенчанный металлическим терновым венцом – символом страдания. Это дань памяти нашим землякам, безвинно погибшим в этих местах в годы репрессий. (Слайд 18). Почти минутой молчания память невинных жертв. (Слайд 19).

Учитель:

Мы изучаем историю, чтобы не повторять её ошибок. Чтобы, не смотря ни на какие трудности оставаться, прежде всего – Людьми! Быть гуманными, справедливыми, честными! От каждого из нас зависит судьба нашей Родины, и дай Бог, чтобы наши потомки вспоминали о прошлом поколении, только с чувством гордости и уважения! (Слайд 20).

**ВЫДЕРЖКИ ИЗ ФЗ РФ «О РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ»**

Разъяснения.

В настоящее время главной задачей, связанной с восстановлением прав граждан – жертв политических репрессий, является возмещение ущерба, причиненного им незаконной конфискацией имущества. Давность репрессий, невысокая юридическая грамотность граждан, их неумение действовать в соответствии с Законом и процессуальными нормами (в первую очередь в силу их незнания) в такой сложной задаче, как получение компенсации за изъятое в процессе репрессий имущество, становятся для них непреодолимой преградой.

В соответствии с Законом РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» окончательное решение по вопросу о возмещении ущерба должны принимать исполнительные органы власти субъектов федерации и местного самоуправления. Основанием для таких решений являются заключения комиссий по восстановлению прав реабилитированных (ВПР) жертв политических репрессий, образованных при этих органах в соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета РФ «О комиссиях по реабилитации жертв политических репрессий». Для практической работы этих комиссий разрабатываются документы регионального уровня, помогающие им быстро и правильно осуществить рассмотрение заявлений о возмещении ущерба. Однако ничтожный тираж брошюр, выпущенных органами власти, и необходимость дополнения ее новыми материалами и рекомендациями, делают целесообразным выпуск нового сборника в рамках программы малых грантов «Гражданское общество». Структура сборника меняется. Расширен должен быть раздел рекомендаций по практическим вопросам возмещения ущерба, причиненного незаконной конфискацией имущества репрессированных. Включены тексты новых нормативно-правовых документов, как федерального, так и регионального уровня. В последнем разделе сборника должны быть представлены образцы заявлений граждан с просьбой о возмещении ущерба в связи с незаконной конфискацией имущества, а также образцы других документов, к составлению которых приходится прибегать при решении этого вопроса. При этом предполагается, что в субъекте федерации при администрациях городов, областей функционируют комиссии по восстановлению прав жертв политических репрессий, создание которых

предусмотрено Постановлениями Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 16.12.1991 года, № 2046-1 «О комиссиях по реабилитации жертв политических репрессий» и от 30.03.1992 года № 2810-1.

При обращении в государственные органы по вопросам, связанным с восстановлением прав реабилитированных, советуем соблюдать следующие правила:

подавайте ваши заявления только в письменном виде и требуйте на них письменных ответов (прежде всего в случае отказов)!

Обосновывайте свои требования положениями нормативно-правовых актов и прежде всего статьями Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» и «Положения о порядке возврата гражданам незаконно конфискованного имущества, возмещения его стоимости и денежной компенсации».

Требуйте такого же обоснования от должностных лиц при их отказах в ответ на ваши заявления!

Не обращайтесь с жалобами в высокие инстанции: это пустая трата времени, так как большинство Ваших проблем разрешимы областными администрациями или районными судами.

Ваш районный суд – главный защитник ваших интересов!

Обращайтесь за разъяснениями: в региональные отделения «Мемориала», в Комиссии по восстановлению прав реабилитированных (КВПР) жертв политических репрессий при администрации области.

Что такое «репрессия» и «реабилитация»?

Репрессия – это карательная насильственная мера, применяемая государственными органами к отдельным гражданам или к целым категориям граждан. В правовых государствах репрессии применяются в качестве наказания только за нарушение закона и определяются самим законом. Политические и религиозные взгляды человека, его национальность и классовое происхождение не могут служить основанием для репрессий. Но в нашей стране при тоталитарном режиме подобные репрессии не только проводились в массовом порядке, но и возводились в закон. Современное Российское законодательство, стремясь приблизиться к цивилизованным нормам права, признает, что если карательная мера была применена по отношению к отдельному лицу или к группе граждан по политическим мотивам, то она является незаконной, а подвергнутые ей граждане считаются жертвами политических репрессий и подлежат *реабилитации*.

В общепринятом смысле слова под «**реабилитацией**» понимается всякое восстановление гражданина в его правах. В соответствии со сложившимися правовыми понятиями реабилитацией лица, которое

привлекалось в качестве обвиняемого, или было признано виновным по приговору суда, или подвергалось административному взысканию, считается вынесение оправдательного приговора при пересмотре дела, постановление (определение) о прекращении уголовного дела за отсутствием события преступления, за отсутствием состава преступления или за недоказанностью участия в совершении преступления, а также постановление о прекращении дела об административном правонарушении. Однако, в отличие от этого общепринятого понятия, реабилитация, осуществляемая в соответствии с действующим законодательством о реабилитации граждан, репрессированных по политическим мотивам, – это не только признание их невиновности и восстановление их в правах, но и признание особой, политической, то есть продиктованной политикой самого государства, причины репрессии. Такая реабилитация осуществляется особым порядком и влечет за собой определенные правовые последствия.

Реабилитированные граждане, репрессированные ранее по политическим мотивам, получают право на особые, предусмотренные законодательством государственные льготы и денежные компенсации за ущерб, причиненный им репрессиями независимо от их давности. В частности, у таких граждан и у их наследников появляется право на возврат незаконно конфискованного в процессе политической репрессии имущества или на компенсацию и возмещение его стоимости, независимо от давности его незаконного изъятия.

Близкие родственники реабилитированных граждан (жены, малолетние дети и т.д.) в случаях, установленных Законом о реабилитации, признаются **пострадавшими от политических репрессий** и также пользуются некоторыми льготами, не являясь реабилитированными.

Приложение 2

РЕЗУЛЬТАТЫ 1 ОБЛАСТНОГО КОНКУРСА «ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ – ПУТЬ К БУДУЩЕМУ»

Место	ФИО участника	Образовательное учреждение
Школьники		
I	Е. Ю. Куприн	МОУ «Богословская СОШ» Омского района
II	М. Витман В. В. Боженкова А. Шехов О. В. Ларионова	МОУ «Большереченская СОШ» МКОУ «Атирская СОШ» Тарского района МКОУ «Новоуйская СОШ» МОУ «Нижнеиртышская СОШ»
III	С. А. Бортвин О. Красикова	МОУ «Иртышская СОШ» Омского района МКОУ «Победительская СОШ» Кормиловского района
Студенты		
I	–	–
II	К. Гетман	ФГБОУ ВПО ОмГУ им. Ф. М. Достоевского
III	А. В. Горобец К. А. Мельникова Ю. Ананьева Г. Сидоренко, Л. Базаева	БОУ СПО ПУ № 53; БОУ СПО «Саргатский индустриально-педагогический колледж»; БОУ СПО «Тюкалинский педагогический колледж» БОУ НПО ПУ № 18
Учителя		
I	В. Б. Стасевич, Л. Э. Гехт	МОУ «Любино-Малоросская СОШ»
II	С. М. Синдевич Г. А. Малунова М. А. Вышко, А. Т. Мухамадеева	МКОУ «Новоуйская СОШ» Седельниковского района МОУ «Большереченская СОШ № 2» МКОУ «Екатеринославская СОШ» Тарского района
III	И. А. Гончаренко М. В. Федотова Е. А. Гордеев; В. В. Спорыш	МОУ «Новотроицкая СОШ» Омского района МКОУ «Нагорно-Ивановская СОШ» Тарского района

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

РЕЗУЛЬТАТЫ 2 ОБЛАСТНОГО КОНКУРСА «ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ – ПУТЬ К БУДУЩЕМУ»

Таблица 1

Состав участников 2 областного конкурса «Память о прошлом, путь – к будущему»

Участники		Город Омск	Омская область	Всего, чел.
Школьники	4–7 класс	4	6	10
	8–9 класс	6	11	17
	10–11 класс	13	17	30
Студенты	колледж	13	7	20
	вуз	3	5	8
Преподаватели	школа	10	16	26
	колледж	3	2	5
	вуз	0	2	2
Всего		52	66	118

Таблица 2

Итоги 2 областного конкурса «Память о прошлом, путь – к будущему»

		1 место	2 место	3 место
ШКОЛЬНИКИ	4–7 класс	Пижун Анна Евгеньевна (7 класс, БОУ «Лицей № 25» г. Омска)	Шорсткина Варвара (4 класс, МКОУ «Гуровская СОШ, Муромцевский район)	Непомящих Ксения Алексеевна (4а класс, БОУ г. Омска «Лицей № 29»)
	8–9 класс	Умаралиев Ибрагим Муторжонович (9 класс, БОУ СОШ № 32)	Порошина Екатерина (МКОУ «Кутырлинская СОШ»); Балантаева Юлия Николаевна (9 класс, МКОУ «Крутинская гимназия»)	Хоботова Кристина (9 класс, МКОУ «Екатерининская СОШ № 1», Тарский район); Казымова Самая (9 класс, БОУ «СОШ № 68» г. Омска)
	10–11 класс	Боженкова Вера Валерьевна (11 класс, Атирская СОШ, Тарский район);	Тимомеева Зухра, Фаткулина Наиля (МКОУ «Междуреченская СОШ»; Михайленко Елизавета Ивановна (МКОУ «Любинская СОШ № 1»);	Безлюк Дмитрий (11 класс, БОУ СОШ № 105 г. Омска); Селицкая Екатерина Алексеевна (10 класс, НОЧУ СО «Лицей»)

	Лысенко Яна Николаевна (10 класс, БОУ «СОШ № 32»)	Луферов Михаил Олегович (10 класс, МКОУ «Сыропятская СОШ»)	
Студенты	Тиссен Виктор Сергеевич (АНО СПО «Колледж предпринимательства и права	Алексеев Д. В., Мартюшов Е. И., Петрова Я. В. (БОУ ОО СПО ОГКУиПТ); Халупенко Евгения Сергеевна (БОУ ВПО ОмГМА – колледж)	Селиверстова Светлана Викторовна (БОУ ОО СПО «Саргатский индустриально-педагогический колледж); Классен Екатерина Ивановна (БОУ ОО СПО ОГКУиПТ); Шакирзянова Евгения (ФГБОУ ВПО ОмГТУ, группа ИСТ 122)
Преподаватели	Валентиенко Галина Ивановна (МКОУ «Тевризская СОШ № 1)	Носкова Наталья Ивановна (БОУ «Гимназия № 43» г. Омска); Тихонов Александр Александрович, Пыхтеева Елена Викторовна (ОмГПУ, филиал в г. Тара); Прушинская Любовь Михайловна (МКОУ «Гимназия Тюкалинска»); Коробова Наталья Михайловна, Хохлова Галина Александровна («Колосовская СОШ»)	Батенева Ирина Сергеевна (БОУ СОШ № 101 г. Омска); Иванина Татьяна Павловна (БОУ «Гимназия № 43» г. Омска); Шитова Татьяна Георгиевна (МКОУ «Омская СОШ»); Дегтярева Наталья Михайловна (БОУ «Лицей № 66 г. Омска)

**ИТОГИ 3 ОБЛАСТНОГО КОНКУРСА
«ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ – ПУТЬ К БУДУЩЕМУ», 2013 ГОД**

		1 место	2 место	3 место
Школьники	8–9 класс	Климентова Ольга, 9 класс, Русановская основная школа, Нововаршавский район	Смортьева Наталья, 9 класс Русановская основная школа, Нововаршавский район	Союз мальчишек и девочек МКОУ «Дробышевская СОШ», Нововаршавский район, Холкина Дарья, 9 класс, Ново- логиновская СОШ Колосовского района
	10–11 класс	Кварцхелия Нателла, 11 класс МКОУ Евгашинская СОШ Большереченский район	Логинова Елена, 11 класс, МКОУ Колосовская СОШ	—
Студенты		Снопва Лилиана Александрона, студентка гр. Т1-12 АНО «Омский эконо- мический институт»	Спирidonов А. А., студент гр. Б2-10 АНО «Омский эконо- мический институт»	—
Преподаватели		Кашеева Елена Генриховна, Речниковская СОШ, Омский район	Синдевич Светлана Михайловна, Новоуйская СОШ, Седельниковский район	Сулаева Светлана Николаевна, МКОУ Иртышская СОШ, Омский район; Парунина Лариса Владимировна, МКОУ СОШ № 48 г. Омска; Бондаренко Дмитрий Викторo- вич, МКОУ Колосовская СОШ

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

ОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «МЕМОРИАЛ»

ОБЪЯВЛЯЕТ

ЕЖЕГОДНЫЙ ОБЛАСТНОЙ КОНКУРС «ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ – ПУТЬ К БУДУЩЕМУ»

Участники конкурса:

– учащиеся старших классов, средних специальных учебных заведений;

– студенты, магистранты, аспиранты вузов;

– преподаватели высшей и средней школы, колледжей.

Основные направления конкурса:

– научно-исследовательские работы (в том числе работы, основанные на архивных материалах и интервью, и др.);

– творческие работы (стихи, рассказы, документальные фильмы, сайты, компьютерные программы, и др.);

– методические разработки (тексты уроков, факультативов; сценарии внеклассных мероприятий, методические рекомендации, разделы учебных пособий и учебные пособия, и др.).

Тематика работ:

– судьбы репрессированных и проблемы реабилитации: прошлое и настоящее (омичей и жителей Омской области);

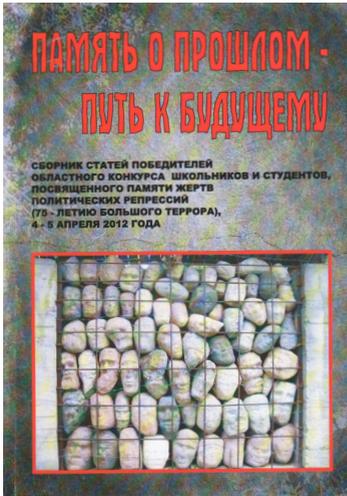
– память о Холокосте.

В работах обязательно должны быть ссылки на использованную литературу и источники (по тексту и в конце работы). Шрифт – 14, межстрочный интервал – 1,5, поля – 2 см. Дополнительно необходимо приложить заявку (Ф.И.О., учреждение, класс, почтовый адрес и индекс, телефон, электронная почта, научный руководитель, если есть).

Лучшие работы отмечаются специальными грамотами, книгами, рекомендуются к публикации, публикуются в сборниках материалов конференций и научных трудов, авторы лучших работ приглашаются для участия в семинарах и конференциях. Срок подачи – ежегодно до 30 октября. Электронный вариант высылается на e-mail: memomsk55@mail.ru исполнительному директору омского отделения «Мемориал», а бумажный вариант – с пометкой на конверте только простой бандеролью, простым письмом: Омск-60, а/я 7697 (для Левочкиной Натальи Алексеевны).

Приложение 6

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОМСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ «МЕМОРИАЛ» В 2012–2014 ГГ.

Память о прошлом – путь к будущему.
Сборник статей победителей областного конкурса школьников и студентов, посвященного памяти жертв политических репрессий (75-летию большого террора), 4-5 апреля 2012 г. Омск, 2012

Дорогой убитых отцов.
К 25-летию деятельности
омского отделения
«Мемориал». Омск, 2014

Память священна: Трагические повороты судьбы репрессированных
(научно-популярный очерк и воспоминания). Омск, 2014

**ОТЧЕТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОМСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
«МЕМОРИАЛ» В 2013 ГОДУ**

1. Организа- ционные мероприятия	1.1. Подготовка и проведение заседаний Правления омского отделения «Мемориал»; 1.2. Взаимодействие с НКО (ветеранские организации; «Дети сироты»; «Узники фашизма»; «Российский Союз ветеранов Афганистана»; НКО харбинцев и др. 1.3. Оформление договора на безвозмездную аренду помещения по ул. Чернышевского; 1.4. Подготовка отчетов для юстиции, ИТ-Банка, пенсионного фонда, статистического управления, приставов и пр.
2. Взаимо- действие с органами власти и управления	2.1. Взаимодействие с Министерством имущественных отношений, АХЧ Правительством Омской области, Администрацией г. Тары Омской области, Администрацией г. Омска, Общественной палаты Омской области, религиозными общественными организациями, Законодательным собранием Омской области, сектором по защите прав реабилитированных, СМИ и пр.
3. Научно- поисковая деятельность	3.1. Работа в государственном архиве Омской области; в архивах учебных заведений; 3.2. Экспедиция по местам захоронений жертв политических репрессий в г. Омске, Омском районе и др. (ноябрь 2013 г.); 3.3. Запись устных воспоминаний жертв политических репрессий; 3.4. Участие в научно-практических конференциях г. Омска и др. городов; выступление с докладами;
4. Историко- просвети- тельская деятельность	4.1. Подготовка оригинал-макета «Дорогой убитых отцов»; 4.2. Подготовка интервью для газет «Четверг», телепередач «Теле Омск – АКМЭ», «12 канал» и др. 4.3. Участие в семинаре по патриотическому воспитанию; 4.4. Подготовка и проведение круглого стола, посвященного 25-летию омского отделения «Мемориала»;

	4.5. Подготовка предложений в программу по увековечению Памяти репрессированных; 4.6. Подготовка и проведение 3 областного конкурса научных и творческих работ школьников, студентов, преподавателей «Память о прошлом – путь к будущему».
5. Участие в общегородских мероприятиях	5.1. Участие в мероприятиях «День города»; 5.2. Участие в презентации книги «Крестьянская Голгофа»; 5.3. Подготовка и проведение общегородского митинга, посвященного памяти жертв политических репрессий; 5.4. Участие в общегородском форуме «Гражданское общество – 2013»
6. Информационно-консультативная работа	6.1. Консультации для реабилитированных, родственников репрессированных); 6.2. Подготовка запросов, поиск родственников репрессированных; 6.3. Консультации по подготовке курсовых работ, дипломных работ , рефератов, публикаций для студентов вузов и колледжей, специалистов.

Омское отделение «Мемориал» выражает благодарность:

директору омского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова,
 д.э.н., профессору *С. Е. Метелеву*;
 директору ОГЛМ им. Ф. М. Достоевского *В. С. Вайнерману*;
 директору ОГПНБ им. А. С. Пушкина *А. В. Ремезову*;
 директору КЦ «Акцент» *С. Б. Загурскому*;
 учителям *С. Н. Сулаевой, Д. В. Бондаренко, Л. М. Прушинской,*
Е. Г. Кащеевой, Г. И. Валентиненко, В. Ф. Спорышу,
А. Т. Мухамадеевой, В. Б. Стасевич, Л. Э. Гехт;
 декану гуманитарного факультета ОмГТУ, к.и.н. *М. И. Машкарину*
 и всем тем, кто принимал участие в областном конкурсе
 «Память о прошлом – путь к будущему»